

INSPIRIA

Прогноз для двух погоды

18+

Рейчел Линн Соломон

INSPIRIA

Сурсаке. Романтические комедии Рейчел Линн Соломон

Рейчел Линн Соломон

Прогноз погоды для двоих

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Соломон Р.

Прогноз погоды для двоих / Р. Соломон — «Эксмо»,
2022 — (Curses. Романтические комедии Рейчел Линн Соломон)

ISBN 978-5-04-186807-9

Дождь – не плохой прогноз, когда рядом есть тот, кто спрячет вас под своим зонтом. Идеальный роман для любителей книг Эмили Стоун, Софи Кинселлы и Хелен Хоанг. Хорошая и светлая история любви, которая заставит вас вновь поверить в чудо, вселит надежду и напомнит о том, что самые важные встречи случаются неожиданно. Ари – метеоролог, Рассел – спортивный корреспондент. Они работают на телевидении в отделе новостей, где кипят нешуточные страсти. Чего только стоят отношения их боссов, которые испортились после развода. Ари и Рассел разрабатывают целый план, чтобы снова свести Торренс и Сета. Анонимные подарки, двойные свидания, плавание на яхте – в ход идут самые разные средства. И, наконец, цель достигнута. Но Ари и Рассел даже не догадываются, что Торренс и Сет решили провернуть похожее дело. Кто знает, может, и этот план сработает, ведь пока Ари и Рассел пытались свести своих боссов, между ними возникла настоящая химия. «Нежная, веселая и проникновенная история любви, которую вы прочтете за один присест». – ТЕССА БЕЙЛИ, автор бестселлера «Что случилось этим летом» «Мой прогноз: когда вы прочтете этот роман, вы будете на седьмом небе от счастья». – АЛИ ХЕЙЗЕЛВУД, автор бестселлера «Гипотеза любви»

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-186807-9

© Соломон Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

От автора	7
1. ПРОГНОЗ: облачно, местами возможны неловкие ситуации	9
2. ПРОГНОЗ: днем возможны осадки в виде измельченной бумаги	13
3. ПРОГНОЗ: остерегайтесь тайфуна Торренс	19
4. ПРОГНОЗ: ночью ожидается уныние, ближе к утру возможны коварные замыслы	26
5. ПРОГНОЗ: ожидается непрошенная рефлексия, возможны прояснения	33
6. ПРОГНОЗ: ожидаются дожди из шоколадных монет (и шардоне)	38
7. ПРОГНОЗ: ожидается теплый вечерний бриз, временами порывы реальности	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рейчел Линн Соломон Прогноз погоды для двоих

*Всякий раз, когда идет дождь,
Твой образ, словно солнце,
Сияет в моих мыслях,
И я понимаю: случится что-то хорошее.*

Кейт Буи, *Cloudbusting*

*Всем, кто блуждает во тьме в поисках света: вы заслуживаете
самого лучшего.*

Rachel Lynn Solomon
WEATHER GIRL

Copyright © 2022 by Rachel Lynn Solomon This edition published by arrangement with Taryn
Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Харитонова С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

От автора

Дорогие читатели!

Идея «Прогноза погоды для двоих» зародилась у меня за несколько лет до написания, и с самого начала я задумывала эту книгу как романтическую комедию со множеством шуток на тему метеорологии.

В процессе работы над черновиком в моей романтической комедии появилась героиня с депрессией. Казалось бы, комедия и депрессия – вещи несочетаемые. Романтические комедии читают, чтобы уйти от действительности; они должны быть захватывающими, веселыми и беззаботными. Однако по мере развития жанра в невероятные, почти сказочные сюжеты все чаще вплетаются элементы реализма, которых раньше я в своих историях старалась избегать, и мне очень нравится эта тенденция.

Я уже писала книги о героинях еврейского происхождения, на которых во многом похожа, однако рассказывать о психологических трудностях, подобных моим, мне почти не доводилось. На то, чтобы взять под контроль свою депрессию, у Ари, героини «Прогноза погоды для двоих», ушло почти десять лет. К тому же у нее сложное семейное и романтическое прошлое, о котором мы постепенно узнаем на протяжении книги.

Я старалась описывать депрессию Ари максимально правдоподобно, деликатно и с пониманием того, что от этой болезни нет волшебной таблетки. Тем не менее опыт Ари может отличаться от опыта других людей. Каждая история психотерапии уникальна, и очень редко это прямой путь из точки А в точку Б. И мой случай не исключение.

Больше всего мне хотелось рассказать о нестандартной в психологическом отношении героине, которая находит любовь, борясь при этом с депрессией. Я хотела показать героине не только в моменты всепоглощающего счастья, но и в тяжелые дни. А еще я хотела, чтобы герой не просто любил ее вопреки депрессии, а принимал такой, какая она есть, потому что это, на мой взгляд, и есть настоящая романтика.

*С любовью,
Рейчел*

Затронутые в книге темы могут вызвать сильные переживания, будьте внимательны и заботливы по отношению к себе во время чтения. При необходимости воспользуйтесь ресурсами для самопомощи.

1. ПРОГНОЗ: *облачно, местами возможны неловкие ситуации*

В пасмурных днях есть особое очарование. Тучи, словно чернилами, набухают дождем, сладковатый воздух пахнет свежестью, и весь мир, как по волшебству, замирает перед грозой. Я люблю это напряженное ожидание чего-то грандиозного – хочется, чтобы оно длилось вечно.

– Опять расчувствовалась по поводу дождя? – спрашивает брат, не отрывая глаз от дороги. Должно быть, я счастливо вздохнула, глядя в окно на утреннюю морось.

– Ничего я не расчувствовалась!

Потому что дело не в сентиментальности: грозовые тучи означают, что вскоре я с азартом буду следить за наступлением холодного фронта с Тихого океана. Вдобавок грозовые тучи – повод надеть высокие сапоги и вязаный свитер, а это же объективно лучшая на свете одежда!

Многие видят в погоде лишь тему для светского разговора, когда другие уже исчерпаны, а надо продолжать о чем-то общаться на вечеринке с незнакомцами – или на первом свидании с парнем, до сих пор живущем в родительском доме и мечтающем затащить тебя в постель. «Ну и погодка!» Для большинства людей погода – источник радости или досады, и только.

Я вот никогда не считала ее просто темой для светской беседы. А даже если впереди нас ждет полгода пасмурного неба, все равно, когда настанет лето, буду скучать по тучам.

– Скажи спасибо, что я тебя все-таки очень люблю, – замечает Алекс, ероша свои рыжие волосы – чуть менее яркие, чем у меня. – Только Орион перестал бояться темноты и начал нормально спать по ночам, как теперь Касси вскакивает ни свет ни заря, чтобы посмотреть тетю Ари по телевизору. И хорошо, если в пять, а не в четыре тридцать! Сон непопулярен в семействе Абрамс-Дельгадо.

– Говорю тебе, у вас растет будущий метеоролог! Главное, не рассказывай ей, что мы сами делаем себе прически и макияж, – разочаруется.

Я обожаю своих пятилетних племянников-близняшек, и не только потому, что их назвали в честь созвездий. Мысль о том, как маленькая Касси зачарованно смотрит прогноз погоды, греет душу. В свое время и я была такой же.

– Она смотрит на тебя каждое утро перед детским садом. Оладушки в форме динозавров и тетя Ари на экране.

– Так угодно Богу!

– Видно, я не слишком внимательно слушал учителя на уроках богословия, – зевнув, удивляется Алекс.

Брат живет в восточной части Сиэтла, а работает в южной. Сегодня он заехал ко мне, в район Равенна, а позже высадит у телестанции. Пока же мы петляем по Грин-Лейк. На часах (которые у Алекса всегда спешат на шесть минут, чтобы не расслаживаться по утрам) – 6:08. Обычно в это время я уже на работе, но Торренс внезапно изменила график, и сегодня мой эфир после полудня. Придется бодрствовать часов двадцать – хорошо, что организм уже привык к издевательству над биоритмами (ну, почти привык).

– Расслабься! Наверняка получилось классно! – подбадривает Алекс, заметив, как я нервно терблю то замок водонепроницаемой куртки, то подвеску, утопающую в складках свитера.

Брата я позвала, чтобы не ехать одной. Грань между возбуждением и тревогой для меня всегда исчезающе тонка, и Алекс наверняка почувствовал, что я волнуюсь, – хорошо знает сестру.

Ему тридцать, и он на три года старше, однако в детстве нас вечно принимали за двойняшек: мы были неразлучны, а подростками по-дружески соперничали, имея привычку влюб-

ляться в одних и тех же мальчиков. Особенно сильное впечатление на обоих произвел Келлен – школьный бегун, прекрасный, как Адонис. Увы, кумир о нашем существовании даже не подозревал, хотя мы исправно ходили на все забеги. На соревнования штата я пришла с букетом цветов, а Алекс – с воздушными шариками. Заметив нас, синеглазый красавец озадаченно спросил: «Вы, что ли, из моей школы?»

Практически против воли я позволила равномерному шелесту дворников меня успокоить. «Приус» брата движется на север по Аврора-авеню, мимо щитов, рекламирующих Тихоокеанский научный центр, средства для чистки труб и услуги нахмуренного человека, который с одинаковым успехом может быть и адвокатом по уголовным делам, и профессиональным рестлером. За окном проносится ряд автодилерских центров, и наконец...

– Вот он, вот он! Тормози!

– Не вопи так, когда я за рулем! – возмущается Алекс, вжимая тормоз в пол, и я заваливаюсь на торпеду. – Уж думал, мы во что-то врезались!

– Да, в мое эго! Оно вдребезги!

Алекс въезжает на парковку круглосуточной пончиковой и останавливается так, чтобы мы могли беспрепятственно созерцать мой первый в жизни рекламный щит. «ПРОСЫПАЙТЕСЬ ВМЕСТЕ С КСИ-6. МЫ РЯДОМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ С 5 УТРА!» – гласят огромные буквы. Члены команды утреннего эфира тщетно пытаются изобразить естественные улыбки. Крис Торрес, новости. Рассел Барринджер, спорт. Мег Нишимура, транспорт. Ари Абрамс, погода.

По моему улыбающемуся лицу, скрывая левый глаз и половину носа, живописно стекает птичье дерьмо.

Лица коллег остались нетронутыми – Крис, Рассел и Мег скалятся как ни в чем не бывало. «МЫ РЯДОМ», значит...

– Ну что ж... Я прониклась смирением достаточно, – произношу я, когда ко мне возвращается дар речи. – Хоть прическа нормально смотрится...

– Смеяться можно? – спрашивает брат.

– Да пожалуйста! – фыркаю я. – Должно же быть хоть кому-нибудь смешно!

Алекс хохочет, а я не знаю – то ли обидеться, то ли посмеяться вместе с ним. В конце концов смех побеждает.

– Фотку все равно сделаем. Это же большое событие – твой первый рекламный щит! – заявляет Алекс, отсмеявшись, и хлопает меня по плечу. – Первый из множества!

– Если этот не разрушит мою карьеру...

Вслед за братом я выхожу из машины и наступаю в лужу, которая оказывается глубже, чем выглядит.

– КСИ-6: излучаем оптимизм даже в дерьмовой ситуации! По-моему, отличный слоган, – шутит брат, пока я пристраиваюсь для фотографии. – Или вот – новости на КСИ-6: дерьмо нас не страшит!

– Нет, лучше так: срочные новости! Алекс Абрамс-Дельгадо – какашка! – сообщаю я телевизионным голосом и показываю ему средний палец.

* * *

– Спасибо, что составил компанию! – говорю я, усаживаясь за стол в пончиковой. Мокрая челка лезет в глаза – надеюсь, в гримерной КСИ найдется фен. – Попросила бы Гаррисона или кого-нибудь со станции, но...

Бесстрашно глотнув дешевый кофе, Алекс морщится.

– Ясно-понятно – меня ты любишь больше всех на свете.

– Совершенно верно! Но Касси наступает тебе на пятки в этом рейтинге, так что не расслабляйся.

– Ни в коем случае! – Он высыпает в кружку пакетик подсластителя. – Как ты вообще? Справляешься?

Раньше мы с братом виделись раз в месяц, а теперь я каждую неделю рыдаю у него на диване, пока его муж-повар с ложечки кормит меня вкусами.

– По-разному – день на день не приходится. Как сегодня, пока не поняла. Если не считать *это* знаком свыше. – Махнув рукой в сторону оскверненного рекламного щита, я впиваюсь зубами в шоколадный пончик. – Ты же не будешь советовать мне срочно завести новые отношения?

После расставания это один из худших советов. Дайте пожить спокойно, прежде чем я свяжусь с очередным мужчиной, который меня разочарует!..

Потираю палец, на котором носила обручальное кольцо. След на коже против ожиданий исчез всего за несколько дней, и непонятно, как реагировать на то, что пропало последнее свидетельство этих отношений. Даже не подозревала, насколько привязалась к кольцу, пока Гаррисон не попросил его вернуть. В защиту Гаррисона стоит сказать, что это фамильная драгоценность. И все равно, какой же он козел!..

Козел, о котором я без конца вспоминаю, хотя с того дня, как переехала из нашей просторной съемной квартиры в маленькую студию, где едва находится место мне и моим страданиям, прошло уже пять недель. Общие друзья предпочли Гаррисона, и вот теперь моя компания только брат и не по годам развитые племяшки.

Тем не менее я уже могу произносить имя Гаррисона вслух без немедленного желания скрючиться эмбрионом в гнездышке, вроде тех, что мне вечно рекламирует «Инстаграм»¹. Утверждают, будто это собачьи лежанки, но не может же быть, чтобы только я остро нуждалась в такой штуке! В конце концов, ведь не зря рекламный алгоритм мне их подсовывает.

– Не стану, конечно. Не раньше, чем ты будешь готова. – Алекс берет еще один пакетик подсластителя. – Во всяком случае, ты не успела потратить деньги на подготовку к свадьбе – это ведь плюс?

– Хм-м...

Я не готова ни согласиться, ни поспорить. Планирование свадьбы вызывало у меня одновременно и возбуждение, и тревогу – хотя вторая перевешивала. То и дело я замирала в нерешительности: весной или осенью? с группой или с диджеем? а сколько гостей?.. При одном воспоминании становится неуютно. Но находить во всем плюсы уже давно стало моей привычкой. Когда в душу прокрадываются мрачные чувства, их нужно немедленно отогнать отработанной телевизионной улыбкой. Перепрыгивать через темные лужи, пока они не затянули тебя с головой.

– Надо чаще сюда заглядывать, хорошие пончики! – говорю я, хотя пончики на самом деле совершенно непримечательные.

Алекс, угадав мое нежелание развивать тему, рассказывает, как Орион пытался выдернуть свой первый молочный зуб.

– Он решил воспользоваться проверенным методом – обвязать зуб ниткой, да только к дверной ручке привязать не додумался. Сидел с ниткой во рту и терпеливо ждал, пока зуб выпадет.

– Почему же ты не прислал мне фотки?

Алекс тут же исправляет ошибку.

¹ Деятельность социальной сети Instagram запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (Прим. ред.)

Когда мы переходим ко второму пончику, на моем смартфоне всплывает сообщение от Рассела Барринджера, нашего спортивного корреспондента. Писать он может только по одной причине.

Привет, метеодевушка! Сет вывесил очередное объявление. А одну копию прилепил прямо на пачку овсяного молока Торренс. Она в ярости. Будь готова к урагану!

– Мне пора, – говорю я. – Точнее, нам обоим пора. Подбросишь меня?

– Опять твоя начальница?

Я тяжело вздыхаю.

– Как всегда!

Мы уже встаем, как вдруг около нашего столика останавливается мужчина средних лет с мокрым зонтиком.

– Я вас знаю! – тычет он в меня пальцем, капая дождевой водой на линолеум.

– Наверное, по телевизору видели.

Люди часто меня узнают, но не помнят, где встречали. Поняв, что я не Торренс, они обычно разочаровываются, и я их понимаю.

Мужчина качает головой.

– Вы «случайно» не подруга Мэнди?

– Нет.

Алекс показывает на окно, сквозь которое виден рекламный щит.

– Она работает на шестом канале. Прогноз погоды.

– Да я не особо смотрю телевизор, – пожимает плечами мужчина. – Извините, наверное, с кем-то вас перепутал.

По дороге к контейнерам для мусора Алекс тихонько хихикает. Я пихаю его локтем.

– Рада, что мое унижение так тебя веселит!

– Должна же у тебя быть какая-то профилактика звездной болезни!

Перед уходом он покупает несколько дюжин пончиков для своих четвероклассников.

– Утешительные пончики – у ребят на этой неделе государственные контрольные.

– Удивительно, как некоторым все же удается закончить школу без психологических травм!

Алекс улыбается, однако взгляд его серьезен.

– Если на неделе будет тяжело, пиши, ладно? – негромко говорит он.

С братом легко и приятно шутить, порой я даже забываю, что мы можем общаться серьезно.

– Конечно! – Взглянув на часы, я предлагаю: – Если довезешь меня до студии за двадцать минут, сделаю на Хануку ругелах² с «Нутеллой».

– По рукам! – Алекс вручает мне коробки с пончиками и достает ключи от машины. – Тебе и впрямь не помешает пораньше оказаться в гримерке.

– Ну хватит издеваться, у меня и так сегодня травма!

– Ладно-ладно, ты прекрасно выглядишь. Прямо как на рекламном щите!

² Ругелах – традиционная еврейская выпечка. Покрытое начинкой тесто нарезается на треугольники и скручивается. (Здесь и далее прим. перев.)

2. ПРОГНОЗ: днем возможны осадки в виде измельченной бумаги

В детстве я мечтала стать как Торренс Ливни, когда вырасту. Каждый вечер смотрела прогноз погоды, зачарованная ее уверенным голосом, и верила, что взгляд Торренс направлен прямо на меня. Я любила наблюдать, как загораются ее глаза, когда она обещает солнечный день, как приподнимаются в легкой улыбке уголки рта, когда она шутит с ведущими, – словом, было в ней что-то притягательное.

Уже ребенком я обожала науку, а после того, как однажды в апреле город на две недели парализовало сильным снегопадом, стала одержима погодой. Потом мне, конечно, объяснили, что такие снегопады – опасная редкость, однако я уже загорелась желанием увидеть своими глазами как можно больше необычных погодных явлений. Правда, исполнить эту мечту, не уезжая далеко от Сиэтла, оказалось довольно трудно, учитывая, какой у нас мягкий климат. Тем не менее я видела достаточно, чтобы не терять интереса: рекордную летнюю жару, лунное затмение и залетный торнадо во время семейного отдыха в Порт-Орчард.

А с Торренс метеорология становилась не только интересной, как любая наука, но и эффективной. Необязательно только корпеть с утра до вечера над скучными данными и отчетами – можно рассказывать истории о погоде и помогать людям, защищая их от жестокости природы.

На мать положиться было нельзя – колебания настроения порой делали ее совсем чужой, и Торренс стала для меня источником стабильности: всегда рядом, всегда на экране, начиная с четырех часов и затем через каждые двенадцать минут. По пятницам она вела передачу «Ливни», в которой рассказывала о климатических тенденциях, и я отказывалась ходить на вечеринки, лишь бы не пропустить эфир (о чем до сих пор не жалею), а в восьмом классе даже обесцветила волосы, чтобы стать похожей на Торренс (и в процессе едва не сожгла их к чертям).

Даже когда мое собственное настроение стало колебаться, почти как у матери – ранний признак депрессии, которую диагностировали лишь позже, в колледже, – моя любовь к Торренс оставалась неизменной. Через пару лет после неудачного эксперимента с обесцвечиванием мое эссе о жизненном цикле солнечных батарей победило на школьном конкурсе, и награду мне вручила лично Торренс. Голова кружилась от счастья, и я постоянно щипала себя за запястье, чтобы не упасть в обморок. Когда Торренс шепнула мне на ухо, как ей понравилось эссе, сомнений не осталось: я твердо решила стать метеорологом.

Однако работать с Торренс Ливни оказалось удовольствием куда меньшим, чем слушать рассказы о ливнях по телевизору.

– Вы это видели?! – Начальница швыряет мне на стол листок бумаги. Наманикюренные руки с ногтями цвета слоновой кости дрожат от возмущения. – Я же не сошла с ума – это ведь действительно неприемлемо?!

Проработав в КСИ уже три года, я до сих пор боюсь Торренс, особенно когда она накрашена для эфира. На экране такой макияж смотрится естественно, а вот вблизи чересчур темные тени и яркие румяна пугают. Ее губы покрыты неизменной помадой: красная вишня, пятьдесят шесть долларов за флакончик. Каждый год я тщетно выпрашивала такую у мамы на день рождения, а когда повзрослела и купила сама, поняла, что с моим цветом лица этот оттенок смотрится отвратительно. Такова судьба рыжей бледнокожей девушки – держаться подальше от солнца и половины цветовой палитры.

Когда Торренс подошла, я как раз вешала снятую куртку на крючок у себя в боксе. Впрочем, строго говоря, у нас не боксы: на собеседовании сотрудница эйчар особо подчеркнула, что телестанция в Беллтауне предлагает «офис с низкими перегородками» – короче говоря, те же боксы, только с невысокими стенками. Плоды относительно недавнего ремонта: сотруд-

ники были недовольны обстановкой, поэтому компания обратилась к экспертам для разработки нового интерьера, призванного повысить продуктивность. Не знаю, как насчет продуктивности, однако разговоров о том, как она возрастет, точно стало больше.

Время – восемь, а значит, только что закончилось утреннее шоу. Сотрудники отдела новостей сидят под слепящим светом флуоресцентных ламп и ждут окончания рекламного перерыва. У них над головами – ряд телевизоров, по которым крутят навязчивый рекламный ролик средства для чистки ковров.

Обычно к этому времени мне остается всего несколько часов до окончания моей смены, но сегодня график перестроили, поскольку Торренс выступает на очередном мероприятии. В Сиэтле она считается своего рода знаменитостью и регулярно получает подобные приглашения. Моя влюбленность в Торренс прошла, а вот город ее по-прежнему обожает.

Даже не глядя на упавший передо мной листок бумаги, я знаю, кто стоит за неприемлемым объявлением, и догадалась бы об этом даже без предупреждения от Рассела. Причина гнева Торренс – ее бывший муж, директор новостного отдела КСИ-6 Сет Хасегава-Ливни. Я бросаю осторожный взгляд на текст.

Пожалуйста, не открывайте новую упаковку молока, когда уже есть две вскрытые. Давайте не будем создавать лишние отходы. Природа скажет нам спасибо! С. Х.-Л.

Сет в своем репертуаре. Забавно, что его инициалы похожи на название спортивной лиги. Генеральный директор, которому остался всего год до пенсии, практически не участвует в делах компании, вот Сет и взял ответственность на себя и управляет каналом, как считает нужным – часто в форме таких вот пассивно-агрессивных указаний.

Не зная, на какой из гневных вопросов ответить сначала, выбираю нейтральный вариант:

– Я еще не видела. Может, он не знал, что клеит объявление на ваше молоко?

– Он прекрасно знает, что я уже много лет не пью коровье молоко и что на соевое у меня аллергия! Я единственная на станции пью овсяное. Он сделал это специально! – настаивает Торренс, избавляя меня от необходимости занимать чью-либо сторону в молочном конфликте.

Она стоит, опершись бедром о мой стол: светлые волосы волнами ниспадают ниже плеч, на облегающем голубом платье – ни складочки, хотя она с четырех утра в эфире. В пятьдесят пять Торренс – и я говорю это с огромным уважением к ее научным познаниям! – все еще чертовски сексуальна.

– Глупо ждать, что все будут плясать под его дудку! И если уж его так заботит экология, пусть сначала продаст свой внедорожник и перестанет даром изводить офисную бумагу! – кипит Торренс.

Я уверена, что дело вовсе не в экологии, хотя не стану утверждать, будто что-нибудь понимаю в отношениях экс-супругов Ливни. Развелись они пять лет назад, однако брак, говорят, разладился задолго до этого.

Мне тоже не нравятся объявления Сета – особенно то, которое он вывесил в женском туалете с призывом не засорять трубы тампонами. Будь он моим бывшим мужем, думаю, терпимости к этим выходкам у меня было бы еще меньше. Тем не менее я стараюсь сохранять оптимизм и во всем искать светлые стороны.

– По крайней мере, он написал «пожалуйста». И, кстати, я тоже иногда пью овсяное молоко. (На самом деле нет.) Может, он все-таки не имел в виду никого конкретно?

– Что за шум?

К нам приближается Сет: руки в карманах свободных темно-синих брюк, полы пиджака колышутся в такт шагам, походка расслабленная, подбородок немного задран. Для полноты образа осталось сдвинуть набок воображаемую шляпу и засвистеть веселенькую мелодию. Возмущение бывшей жены его явно не трогает.

– А ты как думаешь? – обманчиво нежным голосом спрашивает Торренс, взмахивая объявлением у него перед носом. – Тебе не приходило в голову, что люди могут прислушаться, если попросить по-человечески, а не развешивать по офису вот эту пассивно-агрессивную чепуху?

– В самом деле возмутительно! Не смирился с бесполезными отходами, а написал объявление! – иронизирует Сет.

Внешность у него не такая эффектная, как у Торренс, и тем не менее выглядит он незаурядно: высокий, черноволосый, с благородной сединой на висках, какая бывает, кажется, только у мужчин. Вот бы мне в его возрасте так красиво поседеть!

После окончания Вашингтонского университета (сразу по двум специальностям – коммуникации и науки об атмосфере) я устроилась на телестанцию в Якиме, небольшом городке в центре штата, где весь коллектив был как одна большая семья. Возможно, проблема КСИ в том, что Ливни – тоже семья, только токсичная.

Так как Торренс – главный метеоролог, а Сет – директор новостного отдела, он должен быть ее руководителем, однако у Торренс больше стаж в компании, поэтому она подчиняется непосредственно генеральному директору Фреду Уилсону (с которым лично я за эти три года разговаривала всего два раза). И поскольку кабинет директора на третьем этаже большую часть времени пустует (в прошлом месяце Уилсон не явился даже на вечеринку в честь своего семидесятилетия), Торренс оказывается фактически на равных с Сетом, и оба они готовы загубить станцию ради победы в своем вечном споре.

– Избавь меня от своего микроменеджмента, Сет! – восклицает Торренс. – Что я храню в холодильнике – мое личное дело!

Сет складывает руки на груди – наверняка не в последнюю очередь ради того, чтобы поиграть накачанными бицепсами. Порой я думаю, что экс-супруги Ливни до сих пор бьются за победу в собственном разводе. Так и вижу, как они потеют на тренажерах в разных концах города под руководством строгих тренеров, чтобы в конце концов сойтись на ринге.

– Не могу сказать, что работа в команде – твоя сильная сторона, – замечает Сет.

– Не могу сказать, что ты не мудака!

Я нервно тереблю крошечную золотую подвеску в виде молнии – подарок от матери на университетский выпускной (в тот день, кстати, она выглядела по-настоящему счастливой, что бывает редко). Очень хочется спрятаться за низкими перегородками своего бокса – да ведь на то они и низкие, что ничего не скрывают.

– Пожалуй... – начинаю я, и тут Торренс внезапно прищуривается, кидается в свой кабинет и срывает с монитора листок бумаги. Еще одно объявление!

Уходя, гасите свет!

– Ты что, заходил сюда, пока я была в эфире?!

– Хотел, чтобы ты увидела объявление, – невинно поясняет Сет, пожав плечами.

Надо признать, в призывах Сета есть смысл, хотя способ их распространения вызывает вопросы. Да, просьбы мелочные, однако Торренс, погрузившись в работу, действительно склонна забывать обо всем и за пределами эфира чудовищно несобрана. Сколько раз я убиралась на ее столе, поправляла ей макияж, поливала цветы в кабинете! То, что фикус до сих пор жив, – отнюдь не ее заслуга. Брать на себя обязанности уборщицы – не лучший способ привлечь к себе внимание начальства, зато мне, возможно, удалось предотвратить хотя бы несколько сражений Ливни против Ливни.

Торренс бросается обратно к моему столу, комкая сорванное объявление.

– Это настолько возмутительное нарушение личного пространства, что я даже не знаю, с чего начать! – Она кивает на меня. – А вы как думаете, Абрамс? Каково бы вам было, если бы я стала развешивать в отделе метеорологии объявления с призывами «Обязательно прове-

рывают информацию в Национальной метеорологической службе» или «Не забывайте улыбаться в эфире»? Понравилось бы вам, если бы вас держали за ребенка?

Я чувствую, что любой ответ на этот вопрос будет ошибкой.

– Возможно, отдел метеорологии работал бы куда эффективнее, если бы в нем периодически наводили порядок, – замечает Сет. – Не представляю, как вы живете в этом свинарнике!

– Когда бы я наводила порядок, если все это время была в эфире?!

– Прошу прощения... – лепечу я, вставая из-за стола, однако Ливни меня уже не замечают. Чем дальше отхожу, тем легче становится дышать, хотя их голоса преследуют меня и в коридоре.

Вообще-то можно было прийти на станцию попозже – эфир у меня только в три, – но я слишком привыкла рано вставать. Да и не помешает побыть наедине с утюжком для волос – не готова мириться со своими природными кудрями, поэтому всякий раз перед эфиром выпрямляю их, чтобы стрижка длиной до плеч смотрелась прилично. А еще неплохо бы попробовать очередную палетку теней. В «Сефоре» я самый любимый покупатель – их карта с максимальной скидкой появилась у меня раньше, чем право покупать в магазинах алкогольные напитки.

Обычно, чтобы успеть к началу смены, я встаю в полтретьего утра и за это получаю важный бонус, которого не было в описании вакансии: в такую рань ни Торренс, ни Сета нет на станции.

По пути в гримерку сталкиваюсь с Расселом. Он как раз выходит из «дагаута»³ – так у нас называют кабинет спортивного отдела. Крис Торрес, ведущий утреннего эфира, однажды рассказал (не скрывая досады), что спортивным корреспондентам выделили отдельный кабинет после того, как они засветили кому-то по голове футбольным мячом. Наверняка это всего лишь офисная байка, тем не менее у них есть свой кабинет, и порой (как, например, сегодня) я по-черному им завидую.

В руках у Рассела пустая кружка.

– Отправляешься за молоком на место преступления? – интересуюсь я.

Рассел одет в серый пиджак, гармонирующий с мрачным небом за окном, и синюю рубашку. Он высокий, широкоплечий, с мягкими чертами лица и русыми волосами, которые обычно гладко зачесаны и уложены гелем, а сегодня почему-то немного растрепаны – наверное, попал под дождь по дороге на станцию.

– Я предупреждал! – откликается Рассел, глянув по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. – Очень плохо?

– Ведут себя как детсадовцы!.. Впрочем, нет, это несправедливо по отношению к детсадовцам.

Я останавливаюсь около объявления, напоминающего о необходимости отреагировать на приглашение по случаю рождественского корпоратива, который состоится в эту пятницу в модном загородном отеле. Я уже сделала это и теперь с ужасом представляю, каково мне там будет без пары.

– Думаю вот – не вылить ли остатки ее овсяного молока? – говорит Рассел.

– Она подумает, что это Сет.

– Оно и к лучшему! – заговорщицки ухмыляется Рассел. – Можно творить что угодно, а они будут винить в этом друг друга.

– Тогда ты их отвлечешь, а я вылью молоко.

– Идет! – Его голубые глаза за стеклами прямоугольных очков в черной оправе загораются энтузиазмом. Какие длинные ресницы!.. Будь у меня такие, не стать мне любимым покупателем в «Сефоре».

– Ну, вперед! – говорит Рассел и добавляет, слегка улыбнувшись: – Удачи!

³ *Дагаут* (англ. dugout) – в бейсболе зона, где во время матча размещаются запасные игроки, тренеры и другой персонал.

– Спасибо, и тебе!

Нас объединяет убежденность в идиотизме поведения боссов, однако дальше этого общение не идет. Рассел проводит почти все время в «дагауте» с коллегами из спортивного отдела, а с остальными только обменивается вежливыми улыбками и ничего не значащими репликами: «Как выходные?» – «Отлично, спасибо, а у тебя?» На этом он любые разговоры заканчивает, и мне о нем толком ничего не известно. Но чутье подсказывает, что Рассел может быть несчастным не меньше моего, только у него в прямом смысле больше возможностей от этого отгородиться.

* * *

– Как видите, днем ожидается усиление ветра, – говорю я, проводя рукой вдоль зеленого полотна. На мониторе передо мной, как и на экранах телезрителей, отображается карта штата Вашингтон. – Ночью ожидаются дожди. Температура будет колебаться от четырех до семи градусов.

Большинство моих выходов в эфир ограничивается тридцатью секундами, но сейчас время развернутого прогноза, на который выделяют две минуты. За это время я стараюсь рассказать историю: начинаю со спутниковой карты региона, показывающей текущую погоду, потом говорю об атмосферных фронтах и давлении, а в завершение – несколько слов о предстоящей неделе.

– Завтра воздух прогреется до сорока пяти градусов благодаря теплему фронту. За ним, однако, следует холодный фронт. – График на экране иллюстрирует движение холодных воздушных масс с океана. – В среду он пройдет по западу штата и принесет усиление ветра с порывами до двадцати семи метров в секунду. Возможны обрывы линий электропередачи. Мы будем следить за изменениями – оставайтесь с нами, чтобы узнать самый точный прогноз.

На экране появляется погода на неделю.

– Перед вами прогноз на ближайшие семь дней. Как видите, погода не радует нас разнообразием: будет ветрено и сыро, с небольшой вероятностью прояснения в пятницу днем. Все-таки на северо-западном побережье декабрь! – Я сдерживаю улыбку, как всегда, заигрывая со зрителями. – Следующий понедельник тоже обещает быть дождливым и ветреным.

– И ты, судя по всему, безумно рада! – замечает ведущая Джиа Ди Анджело, когда я сажусь за стол рядом с ней.

– Что поделаешь, Джиа, я житель Сиэтла до мозга костей, – с усмешкой откликаюсь я, разводя руками. – В моих венах течет дождевая вода!

На станции любят шутить, что большинство метеорологов, да и просто нормальных людей, радуется солнечной погоде, а я наоборот. Вопреки распространенному мнению, льет в наших краях не так уж сильно – в Нью-Орлеане и Майами за год выпадает куда больше осадков, хотя на северо-западном побережье в среднем больше дождливых дней. Но несмотря на это, для меня дождь в Сиэтле остается романтическим событием.

Хихикнув, Джиа разворачивается к телесуфлеру.

– Уже скоро Ари вернется к нам с рассказом о том, как погода повлияет на предстоящие праздники, а пока перейдем к следующему сюжету. Жительница Сиэтла нашла дом своей мечты, однако в разгар ремонта явилась полиция: выяснилось, что дом ей не принадлежит! Подробнее – в репортаже Кайлы Сазерленд.

Начинается перерыв на рекламу. После прямого эфира в крови бурлит адреналин, и сейчас меня почти не печалит, что Торренс вспоминает обо мне только тогда, когда ей нужно подмениться. Нет бы хоть раз сказать: «Ари, хочу поручить тебе один интересный сюжет о погоде!»

– Всегда рада тебя видеть, даже когда ты даешь плохие прогнозы! – говорит Джа, проверяя в карманное зеркальце, в порядке ли блестящие черные локоны.

– Дождь – не плохой прогноз! – возражаю я, отцепив от платья микрофон.

Впереди десять свободных минут, и я возвращаюсь в офис – попить воды. Торренс у себя в кабинете мстительно скармливает шредеру объявления Сета. Я расправляю плечи, отгоняя мрачные мысли о ее манерах, подхожу к стажерам, которые сидят на сквозняке в самом неудобном углу офиса, и сообщаю, что в КСИ им очень рады, а с любыми вопросами об эфире или о прогнозах погоды они могут обращаться ко мне. Стажеры явно озадачены заботой, ну и пусть – их недоуменные взгляды помогают забыть о позорном скандале наших начальников.

– Кто-нибудь умеет чинить шредеры? – кричит из своего кабинета Торренс.

Не зря люди советуют избегать личного знакомства с кумиром. А работы на кумира следует избегать вдвойне.

3. ПРОГНОЗ: *остерегайтесь тайфуна Торренс*

– Что ж... Попытка засчитана, – вздыхаю я.

– А по-моему, это не считается! – возражает Ханна Штерн, наша специалистка по новостям дорожного движения.

В задумчивости мы рассматриваем рождественскую елку, а точнее – елочное украшение в виде ханукии⁴, прячущееся во всем своем сине-серебристом великолепии за спиной у Санта-Клауса с красным мешком (как по мне, старик с мешком – сомнительный способ доставки подарков, ну да ладно).

– Во всяком случае, на одно иудейское украшение больше, чем в прошлом году! – Как всегда, я стараюсь во всем искать положительные стороны и, поскольку комплимент – это лучший способ разрядить обстановку, киваю на золотистые туфли Ханны: – Классные у тебя туфельки!

Пусть я еврейка, но с рождественской вечеринки не сбегу – зря, что ли, три часа собиралась? Сначала выпрямила волосы, потом решила, что это выглядит слишком искусственно, и побрызгала водой, чтобы вернуть естественные кудри, а после решила завить кончики и в процессе обожгла руку. Льда в холодильнике не нашлось – только дорожные равиоли «Эмиз», купленные на какой-нибудь особый случай сразу после расставания с Гаррисоном. Думать о том, что особый случай для меня знаменуют равиоли, как-то грустно. Если единственное яркое пятно в моей жизни – пачка полуфабрикатов, я, очевидно, свернула не туда, и птичье дерьмо на рекламном щите было предзнаменованием.

Зал отеля украшен гирляндами, снежинками и разноцветными огоньками. Приглашенная группа играет рождественские песни. Дресс-код вечеринки полуформальный – разрешены джинсы. Я перемерила четыре наряда и в итоге надела черное кружевное платье, купленное по случаю помолвки. Дам ему новую жизнь, свободную от воспоминаний о бывшем!

«У меня все прекрасно!» – как бы говорит мой сегодняшний наряд, хотя кому адресовано это заявление, неясно; может быть, мне самой. Чтобы подкрепить это утверждение, я даже сняла свою извечную подвеску с молнией и приколотла на грудь винтажную брошку в виде облака, которую Алекс купил мне на день рождения в антикварной лавке. От старости с брошки осыпалась половина камней, поэтому я перерыла раздел украшений интернет-барачошки «Этси» и обошла несколько магазинов для рукоделия, чтобы починить подарок, а заодно добавила на него несколько синих кристалликов, символизирующих дождь, – донельзя предсказуемо.

Ремонт брошки закончился появлением у меня нового хобби. Теперь кухонный стол завален инструментами, о существовании которых я еще год назад не подозревала, и коробочками с бусинами. Рукоделие спасает, когда становится особенно тяжело.

Ханна – единственная еврейка в КСИ кроме меня, но она работает в дневную смену, поэтому мы редко пересекаемся и не сумели стать подругами. Похоже, я обречена поддерживать с коллегами исключительно рабочие, приятельские отношения. Может, со мной не хотят сближаться?.. Впрочем, к размышлениям на такую печальную тему я пока не готова.

Мы возвращаемся за стол, где сидят несколько корреспондентов и Нейт, бойфренд Ханны. Видимо, я единственная пришла на вечеринку без пары. И хотя перед камерой веду себя естественно, в незнакомой компании, без опоры на прогнозы и графики, общение дается мне нелегко.

⁴ Ханукия – традиционный иудейский светильник, который зажигают в течение восьми дней праздника Ханука.

– Что, будет ли в этом году снег? – интересуется муж Джии Ди Анджело. Типичная тема для разговора с метеорологом – все равно что попросить знакомого доктора на вечеринке осмотреть подозрительную родинку на попе.

– По всем моим прогнозам, эта зима будет теплее обычного. Снег если и выпадет, то не в декабре.

Мой собеседник тяжело вздыхает, словно глобальное потепление – моя вина.

– Дети будут разочарованы. Хочется все-таки белого Рождества. – Он широким жестом указывает на искусственный снег, украшающий стол. – Здорово же, правда? И пусть все в эфире носят колпаки Санты – зрителям такое нравится!

– Еще бы! – киваю я с фальшивой улыбкой.

Иудейского населения в нашем городе менее двух процентов, и все же господствующее представление о том, что абсолютно каждый житель Сиэтла отмечает Рождество, немного раздражает, словно колючая этикетка на мягком свитере. Я единственная не надела в эфире колпак Санта-Клауса, и в соцсетях меня тут же засыпали обвинениями в том, что я ненавижу Америку.

Ханна оживленно разговаривает с Эй-Джей Бенавидесом, который отвечает за прогноз погоды на выходные. Извинившись, отправляюсь к банкетному столу, перед которым уже выстроилась длинная очередь. Дармовая еда – верный способ заинтересовать серьезных взрослых людей (например, меня).

– Привет, метеодевушка! – произносит кто-то за спиной, и я тут же невольно успокаиваюсь, узнав Рассела. Как всегда, одет он интереснее остальных мужчин: черные джинсы, черная рубашка и твидовый пиджак винного цвета. Перед камерой Рассел выглядит строго, однако сейчас он без галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута, а подбородок покрыт легкой щетиной.

– Привет, спортивный парень!.. Вот согласись, почему-то это звучит иначе, чем «метеодевушка»!

– И правда, – улыбается он.

Когда Рассел впервые назвал меня метеодевушкой, прозвище показалось пренебрежительным, однако он всегда говорит это дружелюбно, и я привыкла. Рассел вообще чрезвычайно приветлив, только вот как пробиться за стену из вежливых улыбок, я не знаю.

– Матч сегодня был напряженный, да? – замечаю я, слишком поздно осознав, что веду себя ничуть не лучше, чем муж Джии.

– Ты же вроде не интересуешься спортом?

– Все дело во времени! Если бы матчи показывали в три утра, смотрела бы, не отрываясь!

– Попробую уговорить руководство! – смеется Рассел. – Чтобы ты знала, это был студенческий футбольный матч со счетом шестьдесят шесть – шестьдесят.

– Не разбираюсь в футболе, но счет что-то слишком большой, нет?

– Это точно! В жизни не видел такой игры. Отличное нападение, позорная защита.

Очередь продвигается вперед, а я на долю секунды запаздываю – должно быть, вино уже ударило в голову. Прическа у Рассела растрепана – наверное, на поле было ветрено. Меня почему-то очень привлекают взлохмаченные мужчины. Теперь, когда я одна, мозг лихорадочно ищет пару в каждом встречном: в соседском парне, выписывающем журналы про марихуану; в автобусном попутчике с двумя хорьками за пазухой, улыбнувшимся мне на прошлой неделе; в поваре из офисной столовой, на котором, вопреки здравому смыслу, даже гигиеническая сетка для бороды смотрится сексуально. Все это, конечно, несерьезно, и, учитывая катастрофу с Гаррисоном, я совсем не спешу влюбиться по-настоящему, поэтому стать женой мужчины в гигиенической сетке мне в ближайшее время не светит.

– На таких мероприятиях я всегда немного не в своей тарелке, – признается Рассел, подергивая лацкан пиджака. – Все только и спрашивают – а как ведет себя такой-то за пределами игрового поля, а правда ли, что он мудака?...

– Та же проблема – все жалуются мне на погоду! Ну, хоть кормят вкусно. Это, пожалуй, единственное, ради чего можно потерпеть.

– Ты не поклонница младенца Иисуса? – спрашивает Рассел, кивнув на рождественскую инсталляцию в углу.

– Я, знаешь ли, еврейка. Корпоративы у нас не самые равноправные, – объясняю я, жалея, что ввязалась в этот разговор.

Рассел рассеянно оглядывается, оставив мою реплику без ответа, что только усиливает сожаление. Все-таки мы слишком мало знакомы – просто перемываем иногда косточки нашим боссам. Не хочется выставлять себя нытиком – пусть думает, что я на самом деле такая жизнерадостная, улыбчивая девушка, как на экране.

– Во всяком случае, настроение у всех праздничное, – наконец отмечает он нейтральным тоном.

На банкетном столе нас ждут жаркое, спаржа в медово-лимонном соусе и паста с сыром и карамелизованным луком. Атмосфера на станции нездоровая, зато на праздники денег не жалеют. Мы с Расселом молча наполняем тарелки и возвращаемся, он к коллегам из спортивного отдела, а я в свою случайную компанию.

После фуршета свет в зале гаснет, остаются мерцать только свисающие с потолка гирлянды и огоньки на елках. На сцену выходят Торренс и Сет: она – в сияющем серебристом комбинезоне, похожая на снежную богиню, он – в темно-сером смокинге и галстуке с узором из карамельных палочек. Черные волосы Сета, густо покрытые гелем, зачесаны назад в духе кинозвезд сороковых, локоны Торренс в свете рождественских огней кажутся золотыми. О наше великолепное и ужасное начальство!

– Мы рады приветствовать всех вас в этом зале! – говорит Торренс в микрофон. – Только благодаря вам мы можем рассказывать с экрана важные истории и держать высокие рейтинги по всем направлениям – от новостей и спорта до погоды.

Сет с улыбкой подхватывает:

– Отдельное спасибо и наши поздравления Торренс, которая вот уже в седьмой раз признана лучшим метеорологом Сиэтла по версии журнала «Нортвест Мэгэзин»!

Все громко хлопают. Торренс на экране уже почти тридцать лет и по-прежнему покоряет сердца.

На сцене, как обычно, стоит стол с наградами. Надо признать: увидеть осязаемое воплощение успеха в виде крылатых статуэток действительно приятно.

– Наша станция в этом году получила шестнадцать номинаций на региональную премию «Эмми» и победила в пяти из них. Поздравляем! Одну из наград взял Сет за свой блестящий репортаж о возрождении побережья в Сиэтле!

Торренс весело хлопает Сета по плечу, тот со смущенной улыбкой похлопывает в ответ по ее руке. Отличное представление – почти верю, что они не испытывают взаимного презрения и вообще когда-то любили и уважали друг друга. Подумать только – Ливни дружно стоят на одной сцене! Поистине, настало время чудес, как поется в рождественских песнях. Надо пользоваться тем, что у Торренс хорошее настроение – вдруг я смогу пообщаться с ней наедине? Попробую, как только она освободится.

– Ужин, за который мы горячо благодарим команду отеля «Хилтон», подходит к концу, а значит, пришло время нашей любимой рождественской традиции. Вы, конечно, догадываетесь, о чем я. Начинаем «Белого слона»!⁵

⁵ «Белый слон» – игра для вечеринок. Каждый гость приносит с собой подарок, и их складывают в общий фонд. Первый

Наши столы расставлены полукругом возле большой елки, под которой лежит целая гора подарков: каждый принес свой, а нас здесь больше шестидесяти. Мой вклад – доска для сыра в форме штата Вашингтон, которую я нашла в бутике недалеко от своей новой съемной квартиры.

– Только не тащи домой никакой хлам! – предупреждает своего спутника Ханна.

– Вот не надо! Прихваткой, которую я выбрал в прошлом году, ты пользуешься едва ли не больше моего! – защищается Нейт.

Места за столами пронумерованы специально для игры. Ханна разворачивает подарок первой – это оказываются три ароматизированных свечи. Вторая в очереди – корреспондентка Бетани Чой. Она выбирает сверток необычной формы, внутри которого обнаруживается маленький USB-пылесос.

Третьим к елке подходит Сет. Не польстившись на уже вытянутые подарки, он распаковывает новый сверток, и при виде мультипекаря его лицо озаряется радостью, удивительной для взрослого мужчины.

– С ума сойти! Тут написано, что в нем можно печь оладьи, делать яичницу и жарить бекон! – восклицает Сет, держа коробку на вытянутых руках, словно новорожденного сына.

– А еще сыр можно плавить, – подсказывает Крис Торрес. – У меня тоже такой есть – незаменимая вещь!

– Обожаю яичницу с беконом на завтрак! – Сунув коробку под мышку, Сет возвращается за свой стол. – Если будете претендовать на этот подарок, можете и не мечтать о прибавке к зарплате!.. Шутка, конечно.

– А по-моему, он серьезно! – шепчу я Ханне.

– Удивительно, что ты пришел в такой восторг, – ледяным тоном замечает Торренс. – Помнится, я дарила тебе точно такую же модель на Рождество.

– Дарила, а потом забрала при разводе, – спокойно отвечает Сет, и я перехватываю мрачный взгляд Рассела, сидящего за соседним столом.

Когда очередь доходит до меня, я вытягиваю набор для приготовления коктейлей, но в следующем раунде его похищают, а значит, можно снова выбрать подарок. Все это время Торренс раздраженно наблюдает за Сетом, который восторженно разглядывает мультипекаря, хотя запросто мог бы купить такую штуку сам, потому что все подарки стоят не дороже пятидесяти долларов. Ясно, что его восторг – специальная демонстрация. Если я хочу завоевать расположение или хотя бы уважение Торренс, надо что-то предпринять. На работе мне это пока не удалось: она меня или не замечает, или (чаще) считает досадной помехой. Может, сейчас удастся изменить ее восприятие в лучшую сторону?..

– Я бы хотела мультипекаря... – робко говорю я.

Торренс и Сет резко оборачиваются. Негласное правило «Белого слона» – не отбирать подарки у руководства.

– Зачем он вам, Ари? – возражает Сет. – Это же просто хлам! Сломается после первого использования.

– Уж наверное, она как-нибудь без тебя разберется! – заявляет Торренс, не скрывая торжества, и уже готовится вырвать подарок у Сета из рук. – Если хочет мультипекаря, пусть получит! В нем, кажется, и мини-пиццу можно делать?

– Можно, – подтверждает Сет. Бицепсы на его накачанных руках напрягаются под тканью костюма.

игрок вытягивает и открывает случайный подарок, а у каждого последующего есть выбор: распаковать новый подарок или забрать уже открытый у кого-нибудь из предыдущих игроков. Тот, у кого забрали подарок, может распаковать новый или забрать его у кого-нибудь еще. Игра заканчивается, когда у всех участников есть подарки.

Я начинаю жалеть, что ввязалась в их мелочный спор. Большинство коллег отводят глаза. Ливни портят все, к чему прикасаются, и даже невинную праздничную вечеринку (с одной жалкой ханукией на весь зал!) умудрились превратить в противостояние.

– Я... я могу взять что-нибудь другое! Заберу подарок у кого-то еще или открою новый...

Но Сет уже сует мне в руки коробку. Удивительно, какой горькой может оказаться победа!

В следующем раунде он выбирает подарок в упаковочной бумаге, украшенной пингвинами.

– Набор многоцветных трубочек для кофе. Мило, – замечает он с энтузиазмом ребенка, получившего носки в подарок на день рождения.

– Прекрасно! Кто следующий? – спрашивает Торренс, сияя телевизионной улыбкой.

* * *

Вечеринка тянется бесконечно долго. Все танцуют, едят десерты, весело обсуждают полученные подарки. Я досаую: не мог Гаррисон подождать с разрывом до Нового года?.. Тогда нам не пришлось бы страдать на корпоративах поодиночке. Впрочем, он-то наверняка не страдает, а наслаждается: его финансовая контора регулярно устраивает рождественские вечеринки на яхте.

Я ковыряюсь в тарелке с печеньем – Санта, елка, санки, – размышляя, не пойти ли домой, как вдруг ко мне подсаживается Торренс с бокалом в руке.

– Привет! – говорит она слегка заплетающимся языком.

Пьяная, а помада все равно держится. Если когда-нибудь нам удастся сблизиться (для чего у одной из нас должна развиться неизлечимая амнезия), буду умолять Торренс, чтобы раскрыла мне свой секрет.

– Ари Абрамс – хорошее имя для телевидения!

– Хотелось бы надеяться, учитывая, что я уже на телевидении.

Я пододвигаю стакан воды, надеясь, что она поймет намек. Пьяная Торренс мне нравится еще меньше, чем сердитая.

– Я переживаю из-за случившегося, – признается она, махнув рукой на гору растерзанной подарочной упаковки под елкой, и вино в ее бокале завихряется, как торнадо.

– Да ерунда! – Как видно, я настолько привыкла к наплевательскому отношению начальницы, что теперь успешно плюю на себя сама. Чтобы сменить тему, говорю: – Никто больше вас не заслуживает звания лучшего метеоролога!

Главное – позитивный настрой!

Однако Торренс игнорирует комплимент. В ее взгляде читается какое-то незнакомое выражение (стыд?..), на раздумывавшихся щеках лежат крупницы осыпавшейся туши, и эта трещина во всегда безупречной маске меня трогает.

– Это не ерунда. Не нужно преуменьшать только потому, что я твой босс.

Напряжение, в котором я была весь вечер (да и все последние три года), спадает. Совсем чуть-чуть, но и на том спасибо.

– Я жалею, что у нас с Сетом такие сложные отношения, – продолжает Торренс.

Сложные – не то слово. Квантовая физика отдыхает.

– Эмоции у нас всегда через край. Пока были влюблены, страсти кипели такие, что порой мы не могли находиться в одной комнате – хотелось немедленно наброситься друг на друга и сорвать одежду. А потом, когда все разладилось... Эмоции остались, только со знаком минус.

Не уверена, что начальница должна рассказывать подчиненным о своих страстях, и тем не менее это еще одно подтверждение невероятной притягательности Торренс. Вот бы с меня в пятьдесят тоже кто-нибудь мечтал сорвать одежду!

– А почему все разладилось? – спрашиваю я.

– Да так, море мелочей, которые со стороны наверняка казались такими же пустяковыми, как поводы для нынешних ссор. Вряд ли можно назвать конкретную причину. – Торренс говорит легко, однако в глаза не смотрит, потому что следит взглядом за Сетом, который болтает с ведущими и их супругами на другом конце зала. – Кому-то из нас следовало уйти с КСИ, но то ли мы слишком любим свою работу, то ли просто выжидаем, кто сдастся первым.

Звучит «*Winter Wonderland*» в джазовой обработке, и на танцполе собираются пары. Я обдумываю слова Торренс. Она явно недоговаривает, но я не собираюсь на нее давить.

– А сейчас жена нашего сына Патрика ждет ребенка. Роды в мае. Никогда бы не подумала, что буду с таким нетерпением ждать внуков! – Торренс искренне улыбается. – В моей жизни бабушка с дедушкой толком не участвовали. Всегда об этом жалела. Сама я готова сколько угодно сидеть с внуками, хоть на каждые праздники! Поэтому теперь точно не уеду из Сиэтла, и Сет, думаю, испытывает те же чувства.

– Здорово! – искренне радуюсь я. Вот уж чего не ожидала, так это разговоров с Торренс о внуках. Трогательно. – У моего брата пятилетние близняшки, и они просто прелесть!

– Приводи их как-нибудь на станцию – устроим экскурсию! – Торренс накрывает мою ладонь своей. Ее серебристые ногти украшены белыми снежинками. – Ари, нам стоит чаще вот так разговаривать!

Решаю не уточнять, что разговаривала по большей части она. Мне все равно приятно и хочется насладиться моментом, пусть даже это всего лишь пьяные откровения. Расчувствовавшись, я вгрызаюсь в рождественское печенье. Поджаренная голова Санты в красном колпаке кажется намного слаще, чем десять минут назад.

Танцующей походкой к столику подходит Сет.

– Прошу прощения, дамы! – говорит он подчеркнуто обходительным тоном, от которого я внутренне морщусь. – Я пришел мириться. Торренс, может, потанцуем по старой памяти?

– Ты помнишь? – оживает она.

– Ну еще бы! Много ли на свете людей, которым нравится песня «*Run Rudolph Run*»?

– Тысячи! – отвечает Торренс таким тоном, что сразу становится понятно: на эту тему они шутили не раз.

– Хочу загладить свою вину после дурацкой ситуации с подарками. – Сет легкомысленно пожимает плечами, словно этого достаточно для извинения. – Простите, Ари, я похищаю вашу собеседницу.

– Что ж, не буду отказываться! – Беря Сета за руку, Торренс бросает через плечо взгляд, словно говорящий: «Вот это я и имела в виду».

К моему изумлению, они танцуют свинг, причем очень хорошо – видно, регулярно практиковались, пока были вместе. Сет крутит Торренс по всему залу, а она весело смеется, и, глядя на этот зажигательный ретротанец, я будто переношусь в прошлое.

Когда, интересно, все пошло не так? Пять лет назад, когда они развелись, или намного раньше, как и сказала Торренс: множество мелочей, на которые, в конце концов, стало невозможно закрывать глаза?

Для моих родителей поводом к расставанию стала одна грандиозная ссора – я уверена в этом, хоть и не общалась с отцом пятнадцать лет. А с Гаррисоном мы разошлись из-за мелочи, которую он раздул в большой скандал. Впрочем, для него это, наверное, была не мелочь.

Песня сменяется незнакомой мелодией, а я думаю – может быть, теперь все наладится? Может, Торренс и Сет поняли, что доставляют всем неудобство своими препирательствами? Может, они действительно решили помириться?..

Конечно же, мои иллюзии немедленно рассыпаются в прах.

– Ты никогда не ценил мои подарки! – кричит Торренс, отталкивая Сета.

– Опять ты про этот сраный мультипекарь?!

– Мультипекарь – всего один случай из тысячи! Ты никогда не ценил ни моих жертв, ни моего труда! Ты представляешь, сколько сил я потратила на организацию этой дурацкой вечеринки?!

Я лихорадочно ищу в происходящем плюсы. Находить во всем хорошие стороны – единственное мое спасение, однако хорошее не находится. Весь зал смотрит на Ливни. К танцполу спешат сотрудники отеля, готовые при необходимости вмешаться. Я тоже инстинктивно вскакиваю – сидеть в этой ситуации невыносимо. Меня переполняют разочарование, досада и стыд. Мои взрослые коллеги – взрослые руководители! – выясняют отношения на людях.

– Друг, пойдём подышим свежим воздухом. – Крис Торрес тянет Сета за рукав, но тот стряхивает его руку и произносит сквозь зубы:

– Мы сами разберемся!

Торренс бросается к столу, на котором выставлены награды телестудии.

– Тебе, может, плевать на мой репортаж, а для меня он имеет большое значение! Не меньше, чем для тебя – эта награда! – И прежде чем кто-нибудь успевает отреагировать, Торренс с размаху швыряет статуэтку «Эмми» в окно бального зала.

4. ПРОГНОЗ: ночью ожидается уныние, ближе к утру возможны коварные замыслы

Сотрудники отеля оперативно убирают разбитое стекло, окно затягивают брезентом. У меня в желудке бурлит сахарное печенье.

Когда Торренс швырнула статуэтку, я невольно восхитилась силой броска. Впрочем, чего еще ждать от женщины, которая однажды в прямом эфире съела самый острый в мире перец.

Торренс и Сета попросили немедленно покинуть отель. Собрав остатки оптимизма в кулак, я пытаюсь спасти вечеринку, хотя после такого скандала смотреть на вещи позитивно трудно даже мне.

– Музыканты будут играть еще целый час! – говорю я продюсеру новостей Эвери Митчелл и ее жене, надевающим пальто. Пусть я не хотела идти на этот корпоратив, но нельзя же, чтобы он закончился вот так.

– Увы, мы договорились с няней, что уйдем пораньше, – объясняет Эвери. – Ливни, конечно, в этот раз перешли все границы!

Ханна бросает мне сочувственный взгляд и берет с тарелки последнюю печенку.

– Думаю, мы достаточно злоупотребили гостеприимством «Хилтона». Вряд ли нас сюда еще пустят. – Она кладет руку на мое плечо и легонько сжимает. – Не бери на себя ответственность за их поведение, Ари. Никому не под силу их переделать.

– Не так все безнадежно... – шепчу я, не вполне веря самой себе. Но были же моменты, когда Торренс и Сет вели себя нормально. Редко, но были!

Когда большинство коллег расходится по домам, чтобы поскорее забыть этот ужасный вечер, я иду в бар отеля. Хочется напиться до тяжелого похмелья. Найти в этой ситуации какие-нибудь плюсы не способен даже мой тренированный мозг.

За стойкой, ссутулившись над стаканом, сидит Рассел.

– Запиваешь впечатления? – интересуюсь я, садясь рядом и поправляя платье, чтобы не сверкать ляжками.

Бар обставлен мебелью красного дерева и залит неярким теплым светом. Здесь уютно и, к счастью, не слишком пафосно для человека, который не имеет обыкновения ходить по подобным местам.

– Типа того, – откликается Рассел, делает еще один глоток и ставит стакан на черную салфетку. – Рад тебя видеть. Тоже хочешь запить впечатления?

– О да! Что пьешь?

– «Виски сауэр».

Я прошу у бармена то же самое и чокаюсь с Расселом.

– За впечатления! – Под его удивленным взглядом я залпом выпиваю три четверти коктейля. Это оказывается ошибкой: горло жжет, словно от пачки кислого мармелада, и стакан воды, который подает бармен, оказывается очень кстати. – Даже не представляю, какой ужас ждет нас на работе в понедельник...

– Баллов на семьдесят, не меньше, – прогнозирует Рассел.

Сейчас он совсем не похож на аккуратно причесанного спортивного телекорреспондента: воротник рубашки расстегнут, волосы растрепаны. Всегда интересно общаться с человеком, которого знаешь по телевизионному образу – лицо то же, однако экранный персонаж всегда тщательно скрывает свои недостатки.

– В жизни не видел такого агрессивного «Белого слона». Да потом еще это... – Он неопределенно взмахивает рукой в сторону зала.

Разбитое окно. Статуэтка Сета. Попранные остатки приличия.

Я со стоном роняю голову на стойку:

– Давай поговорим о чем-нибудь другом!

Повисает молчание. На самом деле нам не о чем разговаривать, кроме работы.

– Ты сегодня одна? – неожиданно спрашивает Рассел, и я впервые в жизни радуюсь возможности поговорить о своем расставании. Хоть какая-то тема.

– Вот что бывает, когда жених разрывает помолвку на Хеллоуин. Одетый при этом как надувной человечек, вроде тех, что призывно машут руками у автосалонов.

Я тогда смастерила себе из картонных коробок костюм подержанной «Тойоты Камри», и победа в конкурсе на лучший образ нам была гарантирована. Если бы только мы добрались до вечеринки.

Поймав взгляд Рассела, машу рукой:

– Смейся, я не обижусь! Самой почти смешно.

Однако сердце сжимается от легкой тоски. Не хочу думать о Гarrisone – по крайней мере, сегодня. Ведь уверена была, что мы проведем вместе всю оставшуюся жизнь: свадьба, дети, собственный дом в пригороде (хотя я порой шутила, что Гarrisону придется увозить меня из города силком). Когда так долго фантазируешь о совместном будущем, после расставания оплакиваешь не только отношения, но и жизнь, которой больше не будет.

– Совсе не думал смеяться. Очень тебе сочувствую! – искренне говорит Рассел.

Пожимаю плечами, уставившись на кубики льда в своем стакане.

– Все к лучшему: по крайней мере, ему не пришлось стать свидетелем сегодняшнего позора.

Я уже готова задать Расселу встречный вопрос, однако ответ очевиден: он тоже один, иначе мы сейчас не сидели бы в баре вдвоем.

– Ты же вроде хотела говорить о чем-то другом.

– Да нет у меня ничего другого! – восклицаю я, к изумлению Рассела стукнув кулаком по барной стойке. – Ты знаешь, что за эти три года Торренс не провела со мной ни одной аттестации? Она моя начальница, а ей совершенно без разницы, расту ли я профессионально! – Я оглядываюсь. Все же неловко говорить так откровенно о своем руководстве, пусть оно и опозорилось сегодня вечером. – Обычно люди избегают внимания начальства, но я-то устроилась на эту работу из-за Торренс! Все детство смотрела ее прогнозы и была так счастлива, когда меня взяли! Думала, смогу поучиться у лучшего специалиста. А меня вообще не замечают!.. Не будь этих скандалов на работе, она бы, может, уделяла мне больше внимания. Если в будущем я пожелаю устроиться на более крутую телестанцию или выйти на федеральный уровень, это нереально без специальной подготовки. Я до сих пор люблю свою работу и хочу расти. Хочу, чтобы Торренс следила, не лажаю ли я с прогнозами, советовала, как сделать лучше. Совсем хорошо, если бы она наняла для нас специалиста по развитию, пригласила меня в свою передачу или поручила выездной репортаж – да только она вообще не помнит о моем существовании!.. О повышении и не мечтаю. Максимум, на что можно рассчитывать, – это дружеское похлопывание по плечу и «продолжайте в том же духе, Абрамс!»...

Раскрасневшись, едва не опрокидываю свой стакан с водой. Рассел смотрит на меня во все глаза, и я осознаю, что никогда еще не говорила при нем так много. Слишком много! Чересчур!.. Видимо, алкоголь растворил фильтры на пути от мозга к языку, вот и вывалила весь этот негатив – другого объяснения нет. Я так не ною – по крайней мере, ни перед кем, кроме брата. Когда мы с Расселом жаловались друг другу на начальство, разговор всегда кончался философским пожатием плеч, дескать, что ж поделаешь! А сейчас я совсем не похожа на Ари Абрамс из телевизора и еще меньше – на себя настоящую. Наверняка Рассел теперь попросит счет и укатит на такси, оставив меня запивать впечатления в одиночестве.

– Со своей работой Торренс справляется отлично, – поспешно добавляю я в попытке исправить положение. – Я по-прежнему в полном восхищении! Вот только она слишком...

– Отвлекается, – подсказывает Рассел. – С Сетом то же самое.

– Пожалуй, все не так плохо, если наша главная проблема – нехватка внимания от начальства, – вымученно смеюсь я. Немногословность Рассела меня смущает. – Не знаю, конечно, Сета...

Рассел задумчиво смотрит на полки, заставленные бутылками, а потом переводит взгляд на меня, и в его глазах читается неожиданная решимость.

– Когда я устраивался на работу, они только-только развелись. Было совещание с Сетом и Уилсоном, который не хотел пускать меня на экран – говорил, что я слишком толстый для спортивного корреспондента. Поскольку он генеральный директор, я опасался, что последнее слово останется за ним.

Впервые слышу, чтобы человек так откровенно выражался о своем весе. Как правильно реагировать?.. Поколебавшись, выбираю откровенность:

– Ужас! Разве можно такое говорить?

– Это было худшее совещание в моей жизни. На собеседовании Сет был полон энтузиазма, а тут не произнес ни слова. Я не ждал, конечно, что он станет меня защищать, – в конце концов, он меня еще толком не знал. Но разве не естественно в такой ситуации сказать хоть что-нибудь?.. После этого Сет как будто умыл руки, словно пожалел, что меня нанял. Зато когда мои рейтинги стали расти, потому что я хороший корреспондент, он тут же обрадовался и приписал этот успех себе. – Говоря это, Рассел не краснеет, а констатирует факт: рейтинги у него и правда превосходные. – Самое обидное, что я уже четыре года на станции и до сих пор занимаюсь только студенческим спортом.

Я не особо понимаю спортивную иерархию КСИ, поэтому переспрашиваю:

– В смысле, тебе не дают освещать профессиональный спорт?

Рассел кивает. Да, наверное, если бы Сет был доволен жизнью, у Рассела было бы больше шансов получить повышение.

– В прошлом году Торренс поставила мне работу на всю Хануку, потому что даже не подумала спросить, на какие даты она выпадает. Считала, всегда на одни и те же.

– Однажды после ссоры с Торренс Сет не пустил в эфир мой репортаж, потому что его любимая команда проиграла.

– Торренс интересуется моим мнением, только когда хочет привлечь на свою сторону в споре.

– А Сет моим мнением вообще не интересуется.

Мы как будто пытаемся доказать, чей босс хуже, и в этой игре, как и в «Белом слоне», невозможно выиграть.

– Зря они развелись. Стоят друг друга, – вздыхаю я.

– По-моему, хуже, чем сейчас, быть уже не может. – Рассел кивает на наши пустые стаканы. – Повторим?

Я машу рукой бармену.

* * *

– Честное слово, в один прекрасный день я – случайно, конечно – налью Сету жидкого мыла в кофе! – Рассел всплескивает руками, показывая, как это произойдет.

Барная стойка перед нами заставлена пустыми стаканами, и мы оба безнадежно пьяны. Твидовый пиджак валяется на соседнем стуле, рукава рубашки Рассела закатаны. Взмахивая руками, вот как сейчас, он то и дело сбивает с носа очки, и я едва сдерживаюсь, чтобы их не поправить.

Я собрала волосы в пучок, и меня совершенно не заботит, что они наверняка торчат во все стороны. Куда важнее удерживать себя в положении сидя, что дается нелегко.

– Не рассказывай! Не хочу быть сообщницей. Совесть не даст мне покоя!

– Слушай, я тебе рассказываю, чтобы ты помогла мне обеспечить алиби!

Весело вот так жаловаться на работу, когда собеседнику везет не больше твоего. Гаррисон аналитик, и работа всегда приносила ему столько стресса, что о своих проблемах я старалась не говорить – разве только изредка, когда становилось совсем уж плохо, да и тогда переживала, что скажу слишком много и он оттолкнет меня.

«Я тебя как будто вообще не знаю! – заявил Гаррисон во время нашей первой и последней ссоры на Хеллоуин. – Со мной ты никогда не была настоящей».

Было чудовищно обидно. Понятия не имею, как сделаться еще более настоящей Ари Абрамс. Я обычный человек, не инопланетянин в человеческой шкуре! А Гаррисон решил, что я и при нем ношу маску жизнерадостной телеведущей, которая улыбается даже в самые тяжелые моменты. Однако все, что я скрывала, было ради его же блага. Впрочем, можно ли считать, что мы были парой, если я прятала такую большую часть себя?

– Ты не думал уволиться? – спрашиваю я Рассела, пытаюсь непринужденно заправить оставшиеся волосы в пучок.

– Иногда думал. Пару лет назад прошел несколько этапов собеседования на одной телестанции в Такоме, но так и не получил работу. На мелких станциях платят еще меньше, чем здесь, а мне нужна стабильность.

– Студенческий кредит? – догадываюсь я.

– Типа того, – мило покраснев, отвечает Рассел и молча берет за стакан, игнорируя мой вопросительный взгляд.

Я заинтригована. Мог ведь соврать, что содержит семью лесных эльфов, проживающих у него в подвале, и я бы поверила, а такой неловкий уход от ответа сразу же разбудил любопытство.

– А для меня это была работа мечты, – признаюсь я, продолжая тему. – Вернуться из Якимы в Сиэтл, работать в родном городе... Это было так круто! И я ведь даже попала на рекламный щит!

– Мы попали на рекламный щит, – поправляет Рассел.

– Для тебя это тоже первый?

– На Аврора-авеню рядом с пончиковой? – уточняет Рассел, а потом сочувственно хмурится. – Неужели птичье дерьмо так и не счистили? – Он прижимает руку к сердцу, словно клянется отомстить за меня. – Как посмела эта птица нагадить на одно из лучших лиц КСИ!

Я отчаянно краснею. С алкоголем пора было завязать еще пару коктейлей назад – хотя бы потому, что моя скромная зарплата не рассчитана на выпивку в отелях, пусть даже остро необходимую.

– Боже, какая я пьяная! В жизни так не напивалась! – Я прижимаю ладони к горящим щекам, чтобы показать: это от алкоголя, а не по иной причине. Уж точно не потому, что мы сидим в опасной близости друг к другу и в расстегнутом вороте рубашки видны волосы у Рассела на груди. Всегда любила мужчин с волосатой грудью – не настолько, чтобы сознательно искать себе такого партнера, однако при первом раздевании это неизменно возбуждает. Покрытый шерстью мужчина в гигиенической сетке для бороды? Отлично, беру!

– Да уж, тот еще вышел рождественский корпоратив, – соглашается Рассел.

– Праздничный корпоратив! – поправляю я.

Он бросает на меня смущенный взгляд.

– Надо было, наверное, признаться раньше, но я привык не говорить о религии на работе... Я тоже еврей, и это однозначно рождественский корпоратив, а не какой-нибудь другой.

– Что-о?! – Я пихаю его плечом. Это наше первое прикосновение, и по спине у меня пробегают мурашки, а Рассел невольно переводит взгляд на свое плечо – видимо, тоже что-

то почувствовал. – Я думала, нас всего двое на станции! Пора учредить еврейский клуб – ты, я и Ханна Штерн!

Он почесывает подбородок в притворной задумчивости.

– А что мы будем делать на заседаниях клуба?

– Не знаю – учиться печь хоменташ?..⁶ Всегда хотела. – Я обожу нас двоих стаканом. – Только подумать! Два еврея последними уходят с рождественского корпоратива!

– Евреи умеют веселиться – у нас одна только Ханука восемь ночей!

– По-моему, большинство иудейских праздников не про веселье, а про наблюдение и размышление.

– Согласен. – И Рассел чокается со мной.

Мне нравится, как он раскрепостился от алкоголя и превратился из подчеркнуто вежливого коллеги в открытого и веселого собеседника. Потрясающе: Рассел Барринджер – еврей, пьяный, симпатичный и сидит в опасной близости от меня! Если я свалюсь со стула (что весьма вероятно), то упаду прямо к нему на колени.

Рассел пристально смотрит мне в глаза. Это что, приглашение к флирту? А я совершенно утратила навыки!

– Мне нравится твоя брошка, – сообщает он тоном ничуть не более интимным, чем по телевизору. Значит, все-таки не флиртует, хотя брошка приколоты в опасной близости от моего декольте.

– Ой, спасибо! Не знаю, с чего люди перестали носить брошки. Я вот намерена вернуть их в моду! – Пытаясь дотронуться до брошки, я хватаю себя за грудь. Прекрасно. – Профессия метеоролога – отличный повод делать особенные аксессуары.

Убирая выбившиеся из пучка волосы, показываю сережки – в одном ухе солнце, в другом луна. И нет, это не флирт! Я не флиртую с Расселом, потому что Рассел не флиртует со мной. И взгляд его кажется чересчур пристальным всего лишь из-за виски.

– Это ты сама сделала? – поражается он.

– Да просто нашла подходящие подвески и приделала к ним крепления для сережек. Капли дождя на брошку тоже сама добавила... Смешное слово – «брошка», спяну язык заплетается. – Снова промахиваюсь мимо украшения и кладу руку себе на грудь. – В общем, занимаюсь этим в свободное от рабочих страданий время.

– Я впечатлен! Очень красиво!

Искренний комплимент заставляет меня покраснеть еще сильнее.

– А у тебя что же – нет запонок в форме баскетбольных мечей и ложек в виде клюшек для гольфа?

– Я больше люблю хоккей, даже играл в старших классах... – Кашлянув, Рассел резко меняет тему: – Чего я не понимаю: если они расстались так плохо, что до сих пор пытаются друг друга загрызть, какой смысл работать в одном коллективе?

– Трудно сказать, что на самом деле происходит между людьми...

Я думаю о Гаррисоне, об отце, которого едва помню. Как долго он собирался с силами, чтобы уйти?..

– Плохо то, что это их естественное поведение, и никто не может поставить их на место, поскольку они начальство. Генеральному плевать, эйчар их боится. Они превращают работу в ад, а мы ничего не можем поделать!

Рассел перестает водить пальцем по запотевшему стакану и бросает на меня взгляд из-под густых ресниц.

– А что, если можем?

⁶ *Хоменташ*, или «уши Амана» – традиционное еврейское печенье в виде треугольника, обычно с начинкой из мака.

– Опять предлагаешь мыло в кофе налить? Не уверена, что вынесу тюремное заключение. Рыжим не идут оранжевые комбинезоны⁷.

Рассел наклоняется ближе. Древесный аромат его геля для душа смешивается с алкогольными парами и едва ощутимым запахом пота.

– А что, если мы найдем способ их свести?

Некоторое время я изумленно на него тарашусь, а потом меня разбирает смех.

– Свести их?! Да они друг друга ненавидят, Рассел!

– От любви до ненависти, говорят, один шаг. В обратном направлении тоже может сработать.

– Это бред!

Я делаю очередной глоток. Напиток уже не кажется кислым – должно быть, вкусовые рецепторы отмерли.

– Такой ли уж бред? Они несчастны и делают несчастными нас – да и не только нас. Вдруг нам удастся понять, что у них разладилось, и починить?

Вспоминаю взгляды, которыми боссы обменялись на сцене, слова Торренс о том, как их обурежала страсть, оживление, с каким она приняла приглашение Сета на танец... А что – пожалуй, и впрямь еще не все потеряно!

– Просто из интереса – поскольку я не верю, что ты серьезно, – как мы это устроим? Будем руководствоваться классическим фильмом девяносто восьмого года «Ловушка для родителей» с Линдси Лохан и Линдси Лохан? Не спорю, кино идеальное, однако вряд ли задумывалось как руководство к действию, хотя в детстве я часто мечтала о том, чтобы обрести в летнем лагере потерянную сестру-близнеца. И если мы все же руководствуемся этим сценарием, какой Линдси будешь ты – лихой картежницей или богатой зазнайкой?

– Это же там одной из Линдси прокалывали ухо, подложив кусочек яблока? – Рассел жестами воспроизводит сцену, едва не сбив окончательно с носа очки. – В детстве меня до ужаса пугал этот момент.

– Да, это классика. До чего же сексуальный там был Деннис Куэйд! Моя первая любовь и первый, кого... – Я обрываю себя на полуслове. Расселу совсем необязательно знать, что Деннис Куэйд в роли опытного винодела повлиял на становление моей сексуальности и был первым мужчиной, о котором я фантазировала, экспериментируя с напором душа в ванной. – Короче, он был крутой дилф, – неловко заканчиваю я.

– Дилф?..

– Ну это как милфа⁸, только про мужчин.

– А-а... – Лицо Рассела опять принимает странно нейтральное выражение. Типичная для него реакция в щекотливых ситуациях. – Но мы отвлеклись. Я считаю, нам это вполне по силам! Мы ведь к ним гораздо ближе, чем все остальные на станции.

Может, и так, только я до сих пор почти не знаю Торренс. Весь первый год провела, стараясь примирить ее настоящую с тем идеальным образом, на котором выросла. Встреча с реальностью отрезвила, и теперь я стараюсь как можно реже попадаться Торренс на глаза. Понятия не имею, как она проводит свободное время, почему распался их брак и как дать им с Сетом второй шанс. Затея нелепая, хотя подыграть Расселу можно.

– Что же мы будем делать? Писать за них горячие любовные письма?

– Например, запрем в лифте, чтобы они ударились в воспоминания о старых добрых временах.

– Зажжем в их кабинетах свечи и включим соул Марвина Гэя.

⁷ В тюрьмах США заключенные носят оранжевую форму.

⁸ *Милфа* – от английской аббревиатуры MILF (*Mom I'd Like To Fuck*). Обозначает зрелую, сексуально привлекательную женщину, которая по возрасту годится говорящему в матери.

Рассел поправляет очки на переносице.

– Вот видишь, вместе – мы сила!

Пробую представить, как Торренс назначает мне регулярные рабочие встречи и дает советы насчет моих прогнозов. Если они с Сетом перестанут ссориться, это вполне вероятно.

– Ну допустим, я в деле! – в шутку заявляю я.

Рассел поднимает стакан, пятый или шестой по счету.

– За мир и гармонию на КСИ-6.

– За это я всегда готова выпить!

Допив, Рассел смотрит на часы.

– Господи, уже почти два часа ночи!

– Я в это время обычно встаю.

Он качает головой.

– Не представляю, как вы выживаете в утреннем эфире.

– Мне нравится. По утрам совсем другая атмосфера. Приятно сознавать, что ты – первая, кого люди услышат этим днем. Некоторые в такое время держатся только на таблетках с кофеином, а мне хватает нескольких глотков кофе и радости от составления прогнозов. Но завтра будет, конечно, жестко.

Мы оплачиваем выпивку (бешеные деньги!). Вставая, я едва не падаю, и Рассел поддерживает меня твердой рукой.

Завтра я обо всем этом пожалею. Мы будем смеяться в комнате отдыха: «Нет, ты представляешь, мы всерьез обсуждали, как бы наладить отношения между Торренс и Сетом!» Однако хоть ненадолго у меня появилась надежда.

– Спокойной ночи, спорткор!

Я салютую. При моей нынешней раскоординации смотрится наверняка нелепо, да и не салютовала я ни разу в жизни, однако сейчас это почему-то кажется самым подходящим прощанием. Рассел мило салютует мне в ответ.

– А тебе доброго утра, метеодевушка!

5. ПРОГНОЗ: *ожидается непрошенная рефлексия, возможны прояснения*

Доброго утра не получается. Солнце бьет в глаза, потому что я забыла задернуть блэкаут-шторы. В голове стучит тяжелый молот, язык распух, горло саднит так, будто я проглотила фильтр от пылесоса и запила чистым уксусом. В жизни у меня не было такого дорогого похмелья!

Проверив время на телефоне, едва не падаю в обморок: час дня! Проспала почти всю утреннюю смену!

Поначалу, только устроившись на работу, я пила снотворное, чтобы заснуть, и энергетики, чтобы проснуться, а теперь стараюсь придерживаться режима даже на выходных. Меня это устраивает, но у Гаррисона такой необычный график вызывал досаду. Все еще скучаю по тем временам, когда просыпалась темным утром в его теплых объятиях, однако уже недели две не плачу – по-моему, это прогресс.

В последний раз я плакала, когда, зайдя на «Нетфликс», получила рекомендацию: «Вас может заинтересовать сериал «Корона». Я разрыдалась, потому что «Корона» не просто меня интересует – мы уже посмотрели ее с аккаунта Гаррисона. То, что собственный «Нетфликс» не знает о моей любви к королевским мелодрамам, а значит, и понятия не имеет о нашем расставании с женихом, показалось крайне бестактным.

Поводом для нашей первой и последней ссоры послужила сушая мелочь – тридцать крошечных таблеток, которые я покупаю каждый месяц по рецепту в ближайшей аптеке и выронила из сумочки, в спешке собираясь на Хеллоуин. Уже много лет я успешно держу депрессию под контролем – только сменила антидепрессанты из-за побочных эффектов да нашла себе нового психотерапевта, когда вернулась из Якимы в Сиэтл. Каждое утро закрываюсь в ванной, достаю флакон и принимаю одну таблетку. Говорить об этом Гаррисону не хотелось, иначе он стал бы проводить параллели между мной и моей матерью, спрашивать, почему ушел отец и кто ее очередной ухажер. А мне всего-то и надо было – не допустить в своих отношениях того, что произошло между моими родителями.

Никого из предыдущих парней это не волновало – их вполне устраивало чего-то обо мне не знать. Им нравилась энергичная позитивная Ари, которая не придает большого значения чужому раздражению и никогда не показывает своего. Да мне и самой нравится эта классная, легкая в общении девушка! Когда меня что-то злит, жалуясь дневнику или Алексу. Если парень забывает о важной дате, сама покупаю себе цветы. Всегда во всем ишу плюсы, и это работает. Разреши я себе быть сложной, выпусти недовольство наружу – и закончится все так же, как с моей матерью.

«Невозможно все время быть жизнерадостной, Ари!» – заявил Гаррисон во время той ссоры, бросив уже не смешной костюм надувного человечка на диван. Он не понял: я существую в двух мирах, и быть со мной можно только в одном из них. Если я и получила от матери хоть один ценный урок, то он таков: удержать человека можно, только оставаясь всегда беззаботной и радостной, как солнечный день. Забавно, учитывая, что я терпеть не могу солнце.

В одиночестве есть несомненный плюс: не нужно ни от кого таиться.

Чтобы побыстрее восстановить сбитый режим, я иду на йогу, а потом закупаю продукты на фермерском рынке и готовлю себе чрезвычайно сложный и дорогой обед. Моя цель – устать настолько, чтобы в полдевятого заснуть естественным образом.

Целый час я занимаюсь на дешевом велотренажере (при переезде чуть не сорвала спину, втаскивая его наверх), потом пару часов мастерю на кухне серьги-подвески, полностью погрузившись в этот умиротворяющий процесс. Закончив, зажигаю по всей квартире свечи, откры-

ваю в режиме «инкогнито» браузера любимое видео и достигаю двух оргазмов, после чего у вибратора садятся батарейки. В поисках новых перевоорачиваю квартиру вверх дном и вскрываю все устройства, однако, увы – мизинчиковые батарейки больше нигде не используются.

Несмотря на все принятые меры, сон не идет, а вставать уже через шесть часов. Чем больше волнуешься о необходимости скорее уснуть, тем труднее засыпаешь. В разговоре с Расселом я не кривила душой – раннее утро действительно люблю, однако любовь ослабевает, когда уже девять вечера... десять... пол-одиннадцатого, и вставать через три с половиной часа.

В конце концов я сажусь, открываю ноутбук и беру напрокат HD-версию «Ловушки для родителей» за три доллара девяносто девять центов. Когда та Линдси Лохан, которая из Великобритании, летит в долину Напа, чтобы познакомиться с Деннисом Куэйдом, я засыпаю.

* * *

Будильник звенит в 2:30, потом в 2:40, и наконец в 2:47 я заставляю себя подняться, удовольствовавшись несколькими часами сна (хотя воспоминания о скандале с выброшенной статуэткой вызывают желание залечь в спячку до весны). Бросаю косметику в сумку и, спотыкаясь, бреду к машине. Иногда я делаю макияж дома, иногда на работе, а иногда, как сегодня, – в остановках на светофоре.

Чтобы побороть усталость, я надела одно из своих любимых платьев – темно-красный футляр с рукавом три четверти и к нему – коричневые замшевые сапоги. Платьев такого фасона у меня пять, потому что на экране лучше смотрятся однотонные вещи насыщенных цветов. Зеленое надевать нельзя, иначе я сольюсь с техническим фоном, а узоры и рисунки могут создавать помехи – и это досадно, учитывая, сколько вещей с принтами на тему погоды скопилось в моем гардеробе.

То, что зрители будут комментировать мою одежду, стало неожиданностью и поначалу даже шокировало. Люди не просто обсуждают внешность, а открыто оценивают мою сексуальность! (Брюки ценятся ниже всего.) Самой противно, как быстро привыкла, однако ничего не поделаешь – профессиональный риск. В первые годы работы на телевидении я еще думала о подобных комментаторах, когда выбирала наряд, но к моменту возвращения в Сиэтл перестала обращать на них внимание. Если троллям угодно тратить силы, обсуждая чужую одежду, – что ж, это их выбор. А мой – удалять хамские комментарии. Какую бы вещь я ни надела, она непременно подвергнется оценке, иногда – с кучей эмодзи-огоньков и (или) эякулирующих баклажанов. Поэтому при подборе наряда учитываю только свои вкусы и специфику цветопередачи.

В офисе я оставляю сумку на рабочем столе и отправляюсь в метеорологический центр, где стоит группа компьютеров, на которых мы строим прогнозы; иногда там же ведется и съемка. Проверяю свои модели и стандартные источники, прежде всего сайты Национальной метеорологической службы и Вашингтонского университета, составляю прогноз на сегодня и на ближайшую неделю и вношу его в нашу таблицу – примитивный, но проверенный годами инструмент метеорологов (многие из нас до сих пор пишут прогнозы вручную). После этого готовлю графики и диаграммы для эфира.

Внезапно на спинку моего кресла ложится чья-то рука, и я вскрикиваю от неожиданности.

– Извини! – говорит Торренс, и это удивительно. До пятничного вечера извинений она не приносила никогда. – Мы можем поговорить?

– Конечно! – Я откладываю прогноз на среду, где ожидается прояснение, и разворачиваюсь к ней. Живот крутит от волнения. Это неспроста! В такое время Торренс обычно не бывает на станции. Конечно, она никак не могла подслушать наш с Расселом разговор, и все же мы вслух поливали грязью наше начальство в публичном заведении. Нельзя исключить, что до нее дошли слухи.

Торренс садится в соседнее кресло. На ней джинсы и белый свитер, макияжа почти нет, только легкие тени и тушь, поэтому сейчас она кажется мягче обычного.

– Я надеялась застать тебя, когда в офисе немногочленно. Хочу извиниться за то, что произошло в пятницу, на этот раз в трезвом виде. То, что мы натворили – я натворила, – неприемлемо, особенно на праздничном вечере.

Торренс Ливни приносит мне извинения! Причем второй раз! Это так же для нее нехарактерно, как тот мем, который активно распространялся в соцсетях, когда я еще не работала на КСИ. Во время прямого репортажа о небывалой жаре с фестиваля марихуаны «Хэмпфест», который ежегодно проходит в Сиэтле, один парень прямо на камеру предложил ей косячок. Торренс со смехом ответила: «Спасибо, может, чуть попозже!» – и я до сих пор не знаю, пошутила она или нет. Некоторые убеждены, что Торренс в тот момент подмигнула, хотя большинство считает, что просто моргнула. Так или иначе, из этого сделали гифку.

– Э-э-э... Спасибо, – неуверенно отвечаю я, теребя подвеску на груди.

Торренс поправляет бумаги на столе – возможно, вспомнив, как Сет назвал отдел метеорологии свинарником.

– Нам с Сетом не следовало втягивать тебя в наши игры. Мы вели себя не по-взрослому. Это наши личные проблемы, и нельзя было заходить так далеко. То, что я выбросила «Эмми» в окно, совершенно недопустимо.

Подмывает сказать, что дело не только в скандале на вечеринке – это лишь самый заметный случай из множества.

– Я... ценю вашу откровенность, – отвечаю я, охваченная привычным оптимизмом. Может быть, это наивно, но мне хочется верить в Торренс – верить в ту, что поддерживала меня все детство, пока моя собственная мать погружалась все глубже в пучину депрессии. Правда, я не уверена, насколько нынешняя Торренс настоящая.

Она широко улыбается, словно вот-вот объявит многотысячной аудитории, что пробок на дорогах сегодня не ожидается.

– Позволь пригласить тебя на обед, чтобы загладить вину. Место можешь выбрать сама.

Обед вдвоем! Как будто у нас куда более близкие отношения, чем рядовая сотрудница и незаинтересованная руководительница. Может быть, идеальная Торренс моего детства все-таки существует?..

– Что вы, совсем необязательно!..

– Я настаиваю. – Торренс кладет руку мне на плечо и снова улыбается своей лучшей телевизионной улыбкой. – Буду с нетерпением ждать встречи, Ари!

Этот разговор бодрит лучше любого кофеина, и остаток утра я лучусь радостью – в первом эфире улыбаюсь столько, что и не заподозришь во мне человека, проспавшего всего три часа. Хочется вставлять смайлики в график перемещения облаков. Может быть, мне удастся поговорить с Торренс об участии в программе «Ливни» и о больших репортажах, которые я мечтаю делать! Может, даже упомяну об аттестации! Не буду говорить, как была разочарована в прошлом году, когда она просто сказала: «Ты отлично справляешься», – и дала уставленную профсоюзом прибавку к зарплате на полтора процента. Главное, чтобы она поняла, насколько я мотивирована учиться и расти в профессии.

Около одиннадцати, когда я изучаю меню окрестных заведений и параллельно публикую в аккаунтах канала в соцсетях присланные зрителями фотографии недавней грозы, из-за приоткрытой двери кабинета Торренс доносится голос Сета:

– Я тебе говорил – мы не можем пустить это в эфир.

Эвери Митчелл, сидящая за несколько столов от меня, перехватывает мой недоуменный взгляд.

– Репортаж Торренс о крахах и изменении климата – как повышение кислотности океанов разъедает их панцири. Мы работали целый месяц, поговорили с кучей ученых. Предпола-

галось, что репортаж выйдет сегодня днем в рамках серии о морской фауне. Похоже, Сет его только что посмотрел.

– И что не так?

Торренс тем временем кричит:

– Это не однобокий взгляд, это научные данные!

Эвери пожимает плечами – уже все ясно.

– Мы с тобой это понимаем, а рекламодатели – нет, и я не желаю отвечать на их гневные звонки, – объясняет Сет.

– Мы всегда получаем гневные звонки, когда рассказываем об изменении климата! Я метеоролог! Я не могу игнорировать такие важные вещи!

– Я понимаю! Но все решает подача. Надо думать обо всех зрителях, а не только о тех, кто с тобой согласен.

– Те, кто со мной не согласны, ошибаются!

Здесь я полностью на стороне Торренс. Злобные комментарии в соцсетях надо просто перетерпеть – хотя репортажи об изменении климата провоцируют меньшее их количество, чем чересчур одетые или чересчур раздетые дикторы. Огорчительно, что внешний вид ведущих возмущает людей больше, чем повышение уровня Мирового океана.

Сет отвечает так тихо, что я не могу разобрать начало фразы. Потом из кабинета доносится:

– ...можно вырезать этот фрагмент или...

Торренс издает презрительный смешок.

– Я все поняла! Ты хочешь поквитаться со мной за выброшенную «Эмми».

– Не надо на меня наговаривать. Я всего лишь делаю свою работу!

– Ничего подобного! Ты пытаешься заткнуть мне рот, чтобы показать, кто здесь главный. Должны же быть хоть какие-то радости в твоей унылой жизни!

Тут у меня лопается терпение. Резко встав, я дрожащими руками отталкиваю кресло и стремительно ухожу прочь. В ушах звенит, дышать нечем; если задержусь еще хоть на минутку, то завизжу. Нельзя, чтобы люди видели меня в таком состоянии. Когда распахивается дверь в «дагаут» и кто-то зовет меня войти, я даже не сразу понимаю, что это Рассел стоит на пороге и приглашает меня внутрь.

Главное преимущество «дагаута» – тишина. Здесь нет навороченной техники; по стенам висят фанатские футболки, знамена и постеры спортсменов; столы завалены сувенирами и спортивным снаряжением. Возможно, Крис Торрес все-таки не наврал насчет того, что отдельный кабинет спортсменам дали за (не)удачный бросок мяча в чью-то голову. К счастью, в данный момент в «дагауте» никого, кроме Рассела, нет.

– Подумал, тебе захочется спрятаться.

Сев за свой стол, он указывает на соседнее кресло. В этой обстановке Рассел выглядит на удивление расслабленным, как человек на своем месте. Мне такое спокойствие и не снилось.

– Все ушли на обед, а я задержался, чтобы доделать репортаж.

С глубоким вздохом я падаю в предложенное кресло. Эмоции едва не взяли надо мной верх, но теперь я в безопасности.

– Спасибо!

– Ты как вообще? – спрашивает Рассел, озабоченно нахмурившись.

– Сама не знаю...

Он протягивает мне вазу с конфетами.

– Отлично вы здесь устроились! – замечаю я, беря сразу целую горсть. От сахара становится немного легче. – Наши-то низкие перегородки совсем не спасают.

– Ты же не про обстановку в кабинете пришла поговорить, правда?

Откусывая кусок мини-«Сникерса», неожиданно признаюсь:

– Я такая наивная дура!

Резкие выражения в общении с коллегами мне несвойственны, да и в «Сникерсы» я вгрызаюсь обычно не так агрессивно. Очевидно, наш пятничный сеанс алкогольных жалоб на работу сблизил меня с Расселом, и я готова показать ему менее позитивную Ари Абрамс.

Он снова хмурится. В его кристально-голубых глазах читается беспокойство.

– С чего вдруг?

– Торренс сегодня утром извинилась передо мной – специально пришла пораньше и попросила прощения за то, что произошло на вечеринке, да еще и на обед позвала, как будто мы подружки, хотя до этого сроду не обедали вместе. – Покачав головой, разворачиваю «Милки-уэй». – Я ей поверила.

– Понимаю... Честно говоря, даже здесь я порой чувствую себя как в ловушке, – признается Рассел.

«Как в ловушке». Вот именно.

– Насчет нашего пятничного разговора... – неуверенно начинаю я. – Ты все еще хочешь этим заняться?

– Мы с тобой упились в хлам – голова все выходные болела. Но знаешь... – Рассел задумчиво катает по столу баскетбольный мяч. – Я готов, если готова ты, Ари.

Слышать свое имя из уст Рассела непривычно. Раньше он всегда звал меня метеодевушкой, и это обращение по имени настраивает на серьезный лад.

– Я хочу приходить на работу без страха. Конечно, здорово, если бы Торренс меня побольше ценила и поручала делать репортажи, но сейчас важнее то, что раньше я ходила на работу с удовольствием, а теперь нет. Пусть даже приходится вставать в несусветную рань, я все-таки люблю свое дело, и мне больно видеть, как Торренс с Сетом разрушают станцию. А увольняться никто из них явно не собирается. Поэтому я готова попробовать, даже если нам придется ради этого проводить с ними больше времени и мы свихнемся в процессе.

– Помню, что ты не интересуешься спортом, – говорит Рассел, подбрасывая баскетбольный мяч, – но это похоже на воодушевляющую речь тренера перед проигрывающей командой.

– Надеюсь, я не накаркала нам проигрыш.

Ухмыльнувшись, он наставительно поднимает палец.

– Именно поэтому я так люблю спорт – ведь аутсайдер тоже может победить!

6. ПРОГНОЗ: *ожидаются дожди из шоколадных монет (и шардоне)*

Любому терпению есть предел, и мое уже исчерпано, однако я все равно улыбаюсь, слушая, как мои неутомимые племянники в трехсотый раз за вечер распевают песенку про дрейдл⁹. Дай им волю – не угомонятся до утра.

Мы расположились на ковре в гостиной, вокруг горки рассыпанных шоколадных и мелких настоящих монеток.

– У меня есть маленький дрейдл, он сделан... – запекает Касси, то и дело почесывая шею, искусанную колючим свитером со светящейся ханукией на груди. Эти свитеры – одинаковые для всей семьи – нам в прошлом году подарил Алекс.

– Из пиццадилы! – выкрикивает Орион и расплывается в щербатой улыбке. На выходных у него выпал первый зуб, и теперь Орион едва не лопається от гордости. Ах, беззаботное детство!

– Что такое пиццадилы? – интересуюсь я. Мы с Хавьером тоже играем и по совместительству выступаем судьями.

– Кесадила с пиццей! – Орион кидается в меня дрейдлом. – Я думал, вы умная, тетя Ари!

– Прости, не догадалась! Плохо разбираюсь в пицце, – признаюсь я. – В следующий раз приготовь мне такую.

– Давайте прямо сейчас! – подпрыгивает Касси. Темные кудряшки торчат во все стороны, огромный свитер свисает до колен, тонкие ножки обтянуты бело-синими полосатыми легинсами. – Я сделаю лучшую в мире пиццадилу, только надо, чтоб папа поставил в духовку.

– Нет, дети, готовить мы ничего не будем – только что поели! – Хавьер гладит Касси по волосам, так похожим на его собственные. – И хватит, пожалуй, дрейдла на сегодня – впереди еще семь ночей, а тете Ари вставать рано.

– И все потому, что на станции не отмечают еврейские праздники! Впрочем, иногда я и сама не отмечаю...

– Ну еще разочек, пожалуйста! – просит Касси. Перед ее умоляющим взглядом невозможно устоять.

Вытирая руки о джинсы, в комнату входит Алекс со словами:

– На курсах для молодых родителей почему-то не учат, как отказывать, когда дети такие милые.

Близняшки радостно тянутся к дрейдлу. «У меня есть маленький дрейдл, он сделан из экзистенциальной тоски тети Ари...»

Пока у Алекса не появились дети, я была уверена, что своих мне не надо – родитель из меня выйдет ужасный, с такими-то генами!.. Однако общение с племянниками полностью изменило мои взгляды. Не знаю, сколько у меня будет детей и когда, знаю лишь, что хочу семью – хочу видеть радость детства, которой нам с Алексом так не хватало.

– Выглядишь усталой, – замечает Алекс, садясь в кресло и вытягивая свои длинные ноги. Шамаш¹⁰ в ханукии на его свитере то и дело гаснет, хотя брат поменял батарейки перед ужином. – Дрейдл достал?

– Все нормально!

⁹ Дрейдл – четырехгранный волчок для детской игры на Хануку. На каждой грани написана одна из букв еврейского алфавита, которым соответствуют определенные игровые действия (передача хода, получение всего банка или половины, пополнение банка). Играют на мелкие или шоколадные монеты, орехи, изюм, яблоки и т. п. В англоговорящих странах широко известна ханукальная песенка *I Have a Little Dreidel* («У меня есть маленький дрейдл»).

¹⁰ Шамаш (ивр. «служка») – одна из свеч меноры или ханукии. Предназначена для зажигания остальных свечей.

В последнее время это моя мантра. Нормально, что Гаррисон меня бросил. Нормально, что Торренс проводит время в мелочных спорах с бывшим мужем и не исполняет обязанности моего руководителя. Я улыбаюсь своей лучшей телевизионной улыбкой, однако «нормально» все равно звучит неубедительно, поэтому добавляю:

– У меня все прекрасно, честное слово!

И будет еще лучше, когда завтра вечером мы встретимся с Расселом, чтобы обсудить наши планы. Встреча назначена всего за два часа до того времени, когда я обычно укладываюсь спать, но ради такого дела можно и припоздниться.

На дрейдле выпадает буква «гимель».

– Вы проиграли! – сообщает Орион и отбирает у нас с Касси шоколадные монеты. – Вы все проиграли!

Я делаю вид, что расстроена.

– Опять?! Да ты непобедим!

Орион с Касси хихикают. Их невинный смех для меня – как бальзам на душу.

Перед любым праздником я переживаю, придет ли мать, и это всегда лотерея – зависит от того, какое у нее настроение. Наверняка Алекс приглашал ее и сегодня. Слава богу, что она не пришла.

– Отличная игра! – Хавьер подбирает дрейдл и складывает выигранные Орионом монетки на журнальный столик. Касси, должно быть, уже объелась шоколадом (которого я принесла целую гору), поэтому не оспаривает выигрыш брата. – Если хотите поговорить, я уведу детей наверх.

– Было бы здорово, спасибо! – откликается Алекс.

Близняшки обнимают меня за шею. Делаю вид, что вот-вот задохнусь.

– Вы такие сильные! Я долго не выдержу! – Они громко смеются и обнимают меня еще крепче. Наконец я сдаюсь и обнимаю их в ответ. – Счастливой Хануки!

Громко целую племянников в макушку, а они делают вид, что им противно.

– Не забудь налить Кассиопее воды в фиолетовую кружку, – напоминает Алекс. Хавьер, улыбаясь, показывает, что уже налил.

Троица с шумом поднимается наверх. По пути Касси обещает Ориону поквитаться с ним в дрейдл завтра вечером.

– Как вам вообще удастся проявлять к ним строгость?

– С трудом, но мы справляемся.

Я снова нарушила режим, но не жалею. Алекс уходит в кухню и возвращается с двумя бокалами вина. Глядя, как жадно я пью, предлагает:

– Принести всю бутылку?

– Нет, я завязываю. Это последний. – И я переливаю вино из его бокала в свой.

– Хотел предположить, что у тебя выдалась тяжелая неделя, да ведь сегодня только понедельник...

Я машу рукой:

– Тяжелая неделя, тяжелый месяц, тяжелый год!

– Хочешь выговориться?

– Дело, как всегда, в моей начальнице, но пока я справляюсь, спасибо.

А завтра, возможно, начну справляться еще лучше при поддержке неизменно вежливого, однако по-прежнему загадочного Рассела Барринджера.

– Ну тогда у меня к тебе разговор. – Алекс садится на диван рядом со мной и принимается нервно тереть краешек пледа. Оно и понятно, не просто же так Хавьер увел близняшек, чтобы оставить нас наедине. – Хотел кое-что рассказать о маме.

Я тут же непроизвольно сжимаюсь в комок. Убежать бы сейчас наверх и свернуться клубком в детской кровати...

– Что случилось?

Алекс глубоко вздыхает:

– Она в психиатрической больнице.

Я холодею.

– Где?!.. Что с ней стряслось?

Лицо Алекса смягчается, но тон остается серьезным:

– На самом деле это хорошая новость, Ари. В перспективе, по крайней мере. Вчера ее увезли на «Скорой». Помнишь ее последнего мужчину, Теда? На прошлой неделе он ее бросил, и это сильно по ней ударило. Врачи сообщили, что она позвонила в «911» с панической атакой – была уверена, что умирает, причем в одиночестве. – Алекс потирает веснушчатое лицо, собираясь с мыслями. – По их словам, она совершенно себя не контролировала. Но теперь она в безопасности, и это самое главное.

Так. Хорошо. Она в безопасности. Остальное пока осознается с трудом. Не счесть, сколько раз я думала о том, что матери нужна профессиональная помощь, однако представить ее в психиатрической больнице не могу, тем более что видела их только в кино.

Лишь повзрослев, я поняла, что мать больна. Детали пазла сложились, и всем ее странностям нашлось объяснение. Например, тому случаю, когда в старших классах мать учила меня водить машину и вдруг устроила истерику прямо посреди трассы, потому что ее тогдашний мужчина написал, что отношения закончены. Или тому случаю в средних классах, когда мать три дня не выходила из запертой комнаты, и я умоляла Алекса взломать замок, боясь, что она умерла. Или в детском саду, когда отец кричал, что не в состоянии больше выносить ее: «Не можешь хоть раз в жизни по-человечески чему-нибудь порадоваться, черт тебя подери?!» Несколько лет после развода он слал нам открытки на дни рождения; последнюю я получила на бат-мицву¹¹ и тут же выбросила.

Когда мать накрывало, ничто не могло ее порадовать – ни работа, ни прогулки с нами, ни возня с цветами, которые она так любит в нормальном состоянии. Даже если мы с Алексом чему-то радовались, она не в силах была хотя бы улыбнуться.

Мать так часто брала больничный, что для меня остается загадкой, как ее не уволили. А еще в таком настроении она отпускала уничижительные комментарии о моей внешности, и стоило больших трудов убедить себя, что она говорит это не всерьез.

Она постоянно встречалась с сомнительными мужчинами – от простых мудаков до криминальных типов, и все они рано или поздно заявляли, что она истеричка, больная или чокнутая. Мы с Алексом быстро стали самостоятельными, научились готовить и пользовались общественным транспортом, когда она была не в состоянии отвезти нас в школу.

Поскольку мать вела себя так не всегда, нам легко было притворяться, что ничего особенного не происходит. Иногда она могла продержаться несколько недель или даже месяцев – занималась садом, смотрела с нами в обнимку телевизор, и я позволяла себе думать, что теперь все будет хорошо. Однако потом на нее снова находило.

В старших классах я тоже начала чувствовать себя странно, испытывать апатию и беспричинную печаль. Поначалу закрывала на это глаза – куда больше меня волновало настроение матери. Я не жаловалась и терпела, а мир мой с каждым днем становился все серее. Состояние было так похоже на мамино, что поначалу я даже считала его нормальным, а когда осознала это, очень испугалась.

В колледже я впервые пошла на терапию, потому что тяжесть, с которой жила уже несколько лет, начинала мешать учиться, хотя программа мне очень нравилась. Постоянно

¹¹ *Бат-мицва* – иудейский праздник в честь совершеннолетия девочки, которое, по законам иудаизма, настает в двенадцать (в некоторых трактовках в тринадцать) лет и один день. Аналогичный праздник для мальчиков – бар-мицва в возрасте тринадцати лет и одного дня. После достижения совершеннолетия ребенок становится полноправным членом еврейской общины и обязан соблюдать все иудейские нормы.

хотелось спать, общение давалось с трудом, периоды безнадежности и апатии становились все длиннее, а хороших дней оставалось все меньше. Я не была уверена, что в больнице при колледже мне помогут, однако хуже уже в любом случае было некуда. «По-моему, со мной что-то не то», – призналась я врачу.

Вскоре я узнала, что странное состояние моей матери имеет медицинское объяснение, пусть она и не желала лечиться или вообще это обсуждать. Стало понятно, что ее поведение, которое вызывало у меня негодование и отнимало силы до такой степени, что я спала по двенадцать часов после всякой поездки домой, было ей неподвластно. Она тоже страдала, но ничего не могла с этим поделать.

Оказалось, что серая тяжесть, придавившая меня к земле, имеет название. У меня диагностировали клиническую депрессию, и я не собиралась с этим мириться. Из-за побочных эффектов мать всегда была против лекарств и не принимала таблетки даже при эпизодической головной боли. Я не хотела быть такой же, как она, поэтому с готовностью получила рецепт и стала ходить в аптеку.

Четкий диагноз принес большое облегчение, однако эффекта хватило ровно до визита домой на зимних каникулах. Я попыталась объяснить матери, в чем дело, втайне надеясь, что она узнает в этом диагнозе себя и решит обратиться за помощью. «А кто не в депрессии? – отмахнулась мать. – В этом мире вообще нет ничего хорошего, надо просто смириться». Однако я не смирилась, вот уже почти десять лет пью антидепрессанты, хожу к психологу и считаю, что терапия изменила мою жизнь к лучшему.

– Больница хорошая, я посмотрел отзывы в Интернете, – говорит Алекс, и мне представляется сайт с отзывами про психиатрические больницы. – Мама хочет измениться, Ари.

– Ты ей веришь?

– Она всегда хотела. Просто... созрела не сразу.

«Она всегда хотела». На меня снова накатывают воспоминания. Например, о том случае, когда прямо после школьного бала меня бросил мой первый парень, заявив, что я скучная, а мать спросила, чем я его отпугнула. «Мы для них слишком сложные», – заявила она, и я ей поверила.

А потом в колледже другой парень, Майкл, с которым я встречалась всего несколько недель, ушел, потому что, выслушав мой рассказ про мать, антидепрессанты и психотерапию, решил, что не готов к серьезным отношениям со мной. После этого я стала скрывать свои психологические проблемы и показывать в отношениях только свою позитивную, жизнерадостную сторону, как по телевизору.

– Откуда ты узнал? – спрашиваю я, укрывая ноги вязаным пледом. – Разговаривал с ней?

– Она указала меня как контактное лицо в экстренных случаях.

– Ясно.

Пытаюсь убедить себя, что это не обидно. В конце концов, Алекс – старший, а я постепенно отдалилась и могу по несколько дней не отвечать на ее сообщения и звонки. Она даже еще не знает, что мы с Гаррисоном расстались. Мой нынешний психотерапевт, Джоанна, посоветовала держать дистанцию, чтобы сосредоточиться на себе, поскольку мать всякий раз выводит меня из равновесия. Я хотела бы иметь с ней дружеские отношения, гулять, ходить вместе в кафе, однако реальность такова, что мать может не писать месяцами, а потом объявляется с очередной плохой новостью.

– Я хочу ее поддержать, – тихо говорю я. – Хочу, чтобы ей стало лучше. Честное слово. Только... мне трудно в это поверить. Чего она ждала все эти годы?

Подмывает добавить: «Неужели мы были для нее недостаточно хороши?» – но я молчу. Алекс задумчиво трогает мою ногу под пледом ступней, одетой в носок с узорами из латкес¹².

¹² Латкес – картофельные оладьи, которые традиционно готовят на Хануку.

– Лучшее, что мы сейчас можем сделать, – поддерживать ее, особенно когда она вернется домой. Сейчас она взяла неоплачиваемый отпуск.

Уже не один десяток лет мать работает в компании «Боинг» и дослужилась там до исполнительного помощника.

– В больнице разрешен прием посетителей, и я собираюсь в ближайшее время туда съездить, – продолжает брат. – Если бы ты тоже приехала, ей было бы очень приятно. Она ведь по-прежнему смотрит твои эфиры – почти каждый день.

Я в замешательстве натягиваю плед до подбородка. Эмоции, с которыми боролась всю прошлую неделю, рвутся наружу.

– Я пока не готова принять решение. Понимаю, что у нее серьезные проблемы, но послушай, Алекс, этим проблемам уже много лет! И она не пожелала бороться с ними ради нас – ни пока мы были детьми, ни когда подросли, ни когда съехали из дома. Так что теперь, уж прости, мне трудно ей посочувствовать.

– Я понимаю. – Алекс ласково обнимает меня. Он умеет заботиться и стал отличным отцом. – Понимаю, и ситуация действительно дурацкая. Что бы ты ни решила, я на твоей стороне – на сто процентов.

– Спасибо! – искренне отвечаю я. – Я сообщу тебе, как надумаю.

Через несколько минут сверху спускается Хавьер.

– Касси требует сказку на ночь от любимой тети. Ты готова?

– Разумеется! – откликаюсь я и наклеиваю улыбку, которая, надеюсь, станет искренней, когда увижу племяшку.

7. ПРОГНОЗ: *ожидается теплый вечерний бриз, временами порывы реальности*

– Итак, мы правда собираемся разыграть с нашим начальством «Ловушку для родителей»? – уточняю я, тщетно надеясь поверить в серьезность наших намерений: звучит все равно абсурдно.

– Собираемся.

Мы с Расселом сидим в такерии «Баллард» – специально выбрали это место, потому что здесь всегда шумно и никто нас не подслушает.

– Смотри. – Рассел открывает на смартфоне старую статью тех времен, когда Торренс только устроилась в КСИ. Журналист с энтузиазмом рассказывает о больших планах семейства Ливни по восстановлению убыточной станции. – Разве это не доказывает, что когда-то они были счастливы?

На фотографии Торренс и Сет сидят за столом в студии, глядя не в камеру, а друг на друга. Искренность их улыбок не подлежит сомнению, Сет смотрит на жену с гордостью и обожанием.

Рассел открывает следующую фотографию.

– Они что, танцуют свинг?!

Впрочем, чему я удивляюсь? Танцевали же они на рождественском корпоративе. На фотографии они выглядят людьми из другой эпохи: на Сете федора, волосы Торренс уложены крупными волнами, спина изогнута под невообразимым углом в эффектной поддержке.

Все эти дни я то и дело задавалась вопросом: неужели мы затеяли это всерьез? Не слишком ли мы вмешиваемся в чужую жизнь?.. И всякий раз, когда меня одолевали сомнения, я вспоминала разговор с Торренс на корпоративе. Пусть они без конца спорят и ссорятся, но ведь когда-то по-настоящему друг друга любили! Мы только немного подтолкнем их навстречу друг другу.

А заодно это поможет мне отвлечься от мыслей о матери.

Я беру кусочек тортильи и возвращаю телефон.

– Следствие продолжается! – говорит Рассел.

Сегодня он одет в зеленый свитер и замшевый пиджак карамельного цвета с заплатками на локтях. В сочетании с прямоугольными очками и легкой небритостью это придает ему вид университетского профессора, который так заботится о студентах, что готов заниматься с ними сверхурочно.

Я после работы сняла макияж и переделалась в джинсы и полосатый кардиган. Учитывая неформальность обстановки, наша встреча мало похожа на рабочее совещание и больше напоминает... даже не знаю – тайную сходку заговорщиков?..

– Думаю, нужно обобщить все, что мы уже знаем, и составить их психологические портреты, – говорю я.

Рассел открывает заметки на телефоне и жестом предлагает мне продолжать.

– Я работаю с Торренс уже три года. Она профессионал своего дела, обожает метеорологию и науку в целом. Увлекается благотворительностью, особенно в сфере экологии. Любит комнатные растения, преимущественно суккуленты. Пьет только овсяное молоко, потому что от молочных продуктов отказалась, а на сою у нее аллергия. Иногда пьет конопляное. А еще у нее никогда не смазывается помада, и я намерена узнать, в чем секрет, даже если это будет стоить мне жизни!.. У них с Сетом есть сын Патрик, который, кажется, работает в айти. Его жена Роксана скоро родит.

– Неплохо для начала, – замечает Рассел.

– А что мы знаем о Сете?

– Он вникает во все происходящее на станции, но иногда чересчур увлекается и начинает требовать, чтобы все было так, а не иначе. Что еще... – Рассел обмакивает тортилью в сальсу. – По крайней мере, раз в неделю заказывает обед в греческом ресторане. Обожает шрифт «Гарамон» и набирает им все свои объявления – будто думает, что такой безобидный шрифт сделает их менее агрессивными.

– Мне нравится «Гарамон» – выглядит профессионально, но приятно. – Я беру еще кусочек тортильи. – Итак, все, что у нас есть, – шрифт и история с молоком. Чтобы подтолкнуть Торренс и Сета навстречу друг другу, понадобится тяжелая техника!

Женщина за прилавком объявляет наш заказ, и Рассел приносит тарелки с тако и черной фасолью, посыпанной сыром котиха¹³. Некоторое время мы едим молча, если не считать удовлетворенного мычания.

– А ты всегда хотел быть спортивным корреспондентом? – интересуюсь я, доев первый тако с карне асада¹⁴ и зеленым соусом, таким острым, что на глаза наворачиваются слезы. Хотя встреча у нас исключительно деловая, мы с Расселом впервые наедине (не считая той ночи в баре отеля), и я хочу узнать о нем побольше. Что скрывается за этой скромной профессорской внешностью?..

– Вообще-то, нет. Я всегда любил спорт, только не думал, что это может стать работой. Получать деньги за то, что смотришь матчи? Так не бывает!.. Но мне нравилось писать, поэтому в колледже я поступил на курс спортивной журналистики и понял, что хочу заниматься этим профессионально.

– Значит, ты начинал не на телевидении?

Рассел качает головой.

– Я был спортивным корреспондентом газеты в своем родном городе – мичиганском Гранд-Рапидс. Писал о школьном спорте. С этого почти все начинают.

Я подавляю смехок.

– Прости!.. Представила, как ты с серьезным видом делаешь заметки о праздничном матче, и тут на поле торжественно выезжают школьные король и королева в кабриолете¹⁵.

Рассел наклоняется ближе, и свет одинокой лампочки, висящей над нашим столом, отражается от его очков.

– Вот ты смеешься, а между тем в свой первый спортивный сезон я делал репортаж о королеве выпускников, которая по совместительству была начинающим квотербеком и впервые в истории школы вывела сборную на уровень соревнований штата! Спорт – это не только статистика побед и поражений, точно так же, как метеорология – не только маленькие солнышки и облачка на экране. Спорт – это личности игроков. Спорт – это люди!

– Интересная интерпретация, мне нравится!.. А я вот не увлекалась спортом ни в школе, ни в колледже – командный дух меня как-то не захватил.

– Дело не только в командном духе! Взрослые люди ходят на матчи не потому, что обожают родную команду. Большинство зрителей приходят ради атмосферы.

Я смущенно улыбаюсь.

¹³ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни, кукурузная или пшеничная лепешка с начинкой. Котиха – мексиканский твердый сыр.

¹⁴ Карне асада – мексиканская разновидность говяжьего стейка на гриле.

¹⁵ В американских образовательных учреждениях существует традиция проводить так называемые *homescoming* (буквально «возвращение домой») – праздники, на которые съезжаются бывшие выпускники. В ходе таких праздников устраивают парады, спортивные матчи и балы. При этом на время праздника выбирают «двор» – короля и королеву (обычно учащихся выпускного класса), принцев и принцесс (обычно по одному от каждой параллели). Одно из мероприятий с участием короля и королевы – торжественный выезд на стадион.

– Постой, ты что, ни разу не была на стадионе во время матча?! – потрясенно спрашивает Рассел, не донеся кусок тортильи до рта.

– Это не потому, что я не люблю спорт! Просто ни я, ни брат в детстве им не занимались, и смотреть его по телевизору дома было не принято. Видимо, это не вписывалось в нашу семейную культуру.

Рассел сочувственно кладет руку мне на плечо.

– Ари Абрамс, это настоящая трагедия!

Рука теплая, и мне жаль, что Рассел быстро отодвигается. На корпоративе мы уже прикасались друг к другу, однако это прикосновение ощущается иначе.

– Значит, ты не была ни на одном матче «Сиэтл Саундерс»? Они совсем не про спорт. Большинство зрителей ходят даже не ради футбола, а чтобы выпить и поесть картошки фри с чесноком.

– Стоп! Картошка фри с чесноком?! Почему никто не говорил мне, что болельщики едят такую вкуснятину?!

– Это лучший способ потратить двадцать пять долларов! – заявляет Рассел и, заметив мое потрясение, добавляет: – Согласен, для картошки фри дороговато, но закуски по бешеным ценам – обязательный атрибут матча! Такого заразительного веселья, как на стадионе, я больше нигде не встречал.

– Ладно, убедил, схожу как-нибудь!

Рассел широко улыбается, и в уголках глаз у него собираются морщинки, которых я раньше не замечала.

– Ну а ты как попала в метеорологию?

– Все дело в маленьких солнышках и облачках на экране, – объясняю я, и Рассел улыбается еще шире. – В детстве я обожала грозу и вообще любую экстремальную погоду – регулярно записывала данные в блокнот и пыталась делать прогнозы. А повзрослев, заинтересовалась наукой. Новости порой бывают очень мрачные, а потом на экране появляюсь я, с глупой улыбкой рассказываю о хорошем и, может, помогаю людям принять какое-нибудь важное решение. На корпоративе уже говорила – в детстве я регулярно смотрела эфиры Торренс, где она казалась всемогущей. До сих пор благоговею перед погодой: ей покоряются все, независимо от статуса.

– Да, порой стихия бывает безжалостна. У нас на Среднем Западе снег идет регулярно. Однажды навалило почти метр, а школу закрыли всего на несколько дней.

– На северо-западе погода более милостива. Но десятилетняя Ари ужасно тебе позавидовала бы – снегопада раз в пару лет ей всегда было мало! Да и взрослой Ари маловато... Прости, я, наверное, слишком много болтаю о погоде?

Рассел приподнимает бровь.

– Так я же о погоде тебя и спрашивал.

– Ну да, просто все считают, что погода – тема для легкой светской беседы, а не для полноценного разговора. По крайней мере, я это уже не раз слышала.

Когда на вечеринках, куда я ходила с Гаррисоном, кто-нибудь говорил: «Ну и погодка!» – я тут же пускалась в объяснения и довольно быстро обнаружила, что людей все это совершенно не интересует.

– К тому же некоторые думают, что разговоры о глобальном потеплении – это политика, хотя, на мой взгляд, изменения климата никак не могут быть политикой, – добавляю я. Рассел кивает, и меня охватывает облегчение. Не то чтобы я опасалась иного, однако строить коварные планы с человеком, который отрицает факт изменения климата, было бы неприятно.

– Согласен на сто процентов. Кстати, матчи порой откладываются или отменяются из-за погоды, так что твоя работа непосредственно влияет на мою – да и на любую другую, в общем-то.

– Вот именно! – Энергично взмахивая кусочком тортильи, я капаю соусом себе на рукав. – Люди думают, что вести прогноз погоды по телевизору – ерундовая задача, с которой любой справится, а это совершенно не так!

Рассел улыбается.

– Ну вот, ты надо мной смеешься. Так и знала – слишком много болтаю о погоде. Все, умолкаю. – Покраснев, тереблю подвеску в виде молнии. – Брат говорит, я чересчур эмоционально воспринимаю дождь. Он прав.

– Ари! – со смехом восклицает Рассел. (Лицо у него на удивление открытое, и я гадаю: не впервые ли он смеется при мне так откровенно?..) – Не надо умолкать! Просто меня поразило, насколько ты меняешься, когда говоришь о погоде. Сразу видно, что для тебя это больше чем работа – не увлечение, а настоящая страсть!

Я снова краснею, уже по другому поводу. Тянет сказать, что он так же меняется, когда говорит о спорте.

– Ари – это сокращение? – спрашивает Рассел.

– От Ариэль.

– Почему ты так морщишься?

Я вздыхаю.

– Все думают, что меня назвали в честь Русалочки! – Я демонстрирую ему прядь своих рыжих волос, которые уже снова пошли волнами, несмотря на утренний сеанс выпрямления. – Не представляешь, как меня донимали в детском саду песенками из мультфильма и вопросами о том, где мои плавники! Ари быть проще.

– Мне нравятся оба варианта. И можешь не опасаться, что я запою, – певец из меня никакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.